

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

**КОНЦЕПТ ЛЮБОВЬ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Магистерская диссертация

обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование
заочной формы обучения,
группы 02051681
Хайруллиной Дианы Витальевны

Научный руководитель
к.пед.н., доцент
Мусаелян Е.Н.

Рецензент
к.филол.н., доцент
Волошкина И.А.

БЕЛГОРОД 2019

СОДЕРЖАНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1.	СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА	
	<i>ЛЮБОВЬ</i>	8
1.1.	Концепт как основной способ представления знаний о мире человеческих эмоций	8
1.2.	Эмоция <i>любовь</i> в контексте других эмоциональных состояний	13
1.3.	Проблемы лингвистического анализа песенного дискурса	19
	Выводы по Главе 1	25
ГЛАВА 2.	ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА	
	<i>ЛЮБОВЬ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ</i>	28
2.1.	Концепт <i>любовь</i> как эмоциональный концепт	28
2.2.	Языковая репрезентация концепта <i>любовь</i> в английских и русских народных песнях	37
2.3.	Сопоставительный анализ номинантов концепта <i>любовь/ Love</i> в песенном дискурсе	49
	Выводы по Главе 2	59
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
	БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	68

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XX–XXI веков появляется большое количество научных исследований в области лингвистики, посвященных изучению культурно-специфичных феноменов, образующих языковую картину мира. Проблема вербализации концепта представляется одной из главных для лингвистов, поскольку актуализированный (вербализированный) концепт занимает особое место в лингвистических теориях. Концепт актуализируется через языковые значения отдельных лексем, через фразеологический и паремийный фонд языка, а также в различных видах дискурса, например, в песенном.

Лингвистика входит в число гуманитарных наук, объектом исследования которых является человек. Эмоции представляют важный объект научного поиска в лингвистике, поскольку язык выступает одним из механизмов адаптации индивида к находящейся вокруг него действительности. Осмысление различных сфер человеческой деятельности, в том числе и коммуникативной деятельности, осуществляется и с помощью эмоций.

Речевое выражение обладает свойством отображать разные эмоции, что постоянно отмечается в лингвистических исследованиях, однако в качестве особого объекта научных исследований сфера эмоционального стала только в последние десятилетия. Интенсивное формирование нового направления «лингвистики эмоций или эмотиологии» и его появление в языкознании подкрепляет значимость и эффективность исследований в этой сфере. Приобретенные в исследованиях результаты укрепляются в науке и динамично используются в практической деятельности обучения языкам. Представленная диссертационная работа выполнена в рамках лингвокультурологического подхода к изучению объективации эмоций в языке.

Теоретическую и методологическую основу для настоящего

исследования составляют научные труды, объектом исследования которых являются способы и особенности репрезентации языковых единиц, относящихся к различным системным уровням языка и актуализующих эмоциональное значение. Язык эмоций в большинстве лингвистических работ рассматривается в ракурсе номинации психических переживаний человека с помощью различных языковых единиц, ассоциированных с данными эмоциями.

В эмотиологии эмоции рассматриваются с различных позиций: коммуникативное (И.В. Быдина, М.Д. Городникова, Г.Е. Змеева, В.А. Маслова, Л.А. Пиотровская, В.И. Шаховский и др.), психолингвистическое (Н.В. Витт, В.Н. Гридин, Э.Л. Носенко, А.М. Шахнарович и др.), стилистическое (Э.С. Азнаурова, А.Г. Болотов, Т.В. Матвеева и др.), когнитивное (А.Г. Баранов, Ф. Данеш, Е. Книпкенс, Р. Цваан и др.), лингвокультурологическое направление (А. Вежбицкая, Л.Е. Вильмс, С.Г. Воркачев, А.В. Селяев, И.В. Томашева и др.).

Актуальность исследования определяется востребованностью изучения песенного дискурса, имеющего особую значимость в мире культуры определенных этносов, а так же значимостью определения специфики языковой репрезентации концепта *любовь* в песенном дискурсе.

Объектом настоящего исследования являются тексты песенного дискурса на английском и русском языках, в которых отражается эмоциональное чувство «любовь».

Предметом исследования являются способы вербализации концепта *любовь* в английском и русском песенных дискурсах.

Целью настоящей работы является комплексная сопоставительно-типологическая репрезентация языковых средств, которые участвуют в актуализации концепта *любовь* в английском и русском песенных дискурсах.

Для реализации поставленной цели необходимо выполнение следующих задач:

- 1) раскрыть содержание понятия «концепт», «песенный дискурс»;

2) выявить корпус разноуровневых языковых единиц, участвующих в актуализации концепта *любовь* в песенном дискурсе;

3) обобщить структурные и содержательные свойства концепта *любовь*.

Теоретической базой для работы послужили основные положения:

– сопоставительного и типологического языкознания (В.Д.Аракин, И.А. Бодуэн де Куртене, И.Гердер, В.Гумбольдт, В.Д.Кацнельсон, А.Е.Кибрик, А.А.Реформатский, Э.Сепир, Ф.Соссюр, Л.В.Щерба, Р.О. Якобсон и др.);

– психологии эмоций (В.Вилюнас, К.Изард, Э.Нойманн, К.Юнг и др.);

– лингвистических исследований эмоций (Л.Г.Бабенко, Н.А.Красавский, Е.Ю.Мягкова, В.Н.Телия, В.И.Шаховский и др.);

– лингвокультурологии (Н.Д.Арутюнова, А.Г.Баранов, В.А.Маслова и др.);

– когнитивной лингвистики (И.В.Арнольд, Н.Н.Болдырев, И.Г.Гальперин, Дж.Лакофф, Е.С.Кубрякова, Ч.Филлмор и др.).

Для решения поставленных задач в диссертационной работе в процессе изучения исследуемого факта наравне со сравнительно-сопоставительным и типологическим **методом** применялись приемы компонентно - дефиниционного, этимологического, статистического анализа и лингвистической интерпретации.

Материалом для практического изучения послужили 386 текстов народных песен, написанных в период с XIX по XX вв., из них на русском языке - 239, английском языке - 147; а также данные лексикографических источников (этимологических, толковых словарей) английского и русского языков.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена выбором объекта и подходами к его исследованию, позволившими соединить традиционные представления о репрезентации эмоций с современными направлениями в лингвистике - концептологией и этнокультурологией.

Проблема комплексного сопоставительно-типологического изучения концепта *любовь* в дискурсе определенного типа ставится впервые.

Теоретическая значимость исследования состоит во внесении определенного вклада в изучение проблем концептуализации окружающего мира, механизмов вербализации культурно-маркированных смыслов в эмоциональной сфере.

Практическая важность работы состоит в том, что полученные результаты могут найти применение в преподавании теоретических и специальных курсов по общему и сравнительному языкознанию, когнитивной лингвистики, лексикологии, лингвокультурологии, в практической деятельности по обучению иностранным языкам, при составлении учебных пособий, в научно-исследовательской работе студентов и магистрантов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Концепт *любовь*, анализируемый в составе концептосферы, пересекается с другими концептами. Типичной для песенных дискурсов является ассоциация концепта *любовь* как с положительными, так и с отрицательными коннотациями, но в тоже время наличие некоторых из них в контексте целостного дискурса имплицитно, не обретая конкретной экспликации (*благоговение, благорасположение, учтивость, любезность, надежда, похвала, уверенность и др.*).

2) Русские и английские номинанты концепта *любовь*, формирующие синонимические ряды, демонстрируют количественные несоответствия и актуализируют отличные свойства концепта *любовь*.

3) Междометия, как средство выражения эмоций, эффективно используются в ходе концептуализации концепта *любовь*, демонстрируя формальные сходства.

4) Свойственную для песенного дискурса функцию вокативности осуществляет ограниченный набор лексем, имеющих формальное соответствие в английском и русском вариантах.

Основные положения и выводы диссертационного исследования были представлены на заседании кафедры иностранных языков.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в публикациях: «Language features of English songs», Emotional concept “Love” in Russian and English folk songs».

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, Библиографического списка, включающего 90 источников.

Введение дает общую характеристику работы, обосновывает актуальность темы, раскрывает степень ее изученности в лингвистике, формирует объект, определяет цель и задачи исследования, методы анализа фактического материала и источники, устанавливает научную новизну, теоретическую и практическую значимость работы.

Глава первая «Структура и содержание концепта *любовь*» представляет существующие в лингвистике и лингвокультурологии подходы к определению места концепта в языковой картине мира в целом, и концепта *любовь* в частности. Также освещаются области пересечения данного концепта с другими концептами, отражающими эмоциональное состояние человека. Анализируется теоретический и практический опыт описания языковых средств, вербализующих концепт *любовь*.

Глава вторая «Языковая репрезентация концепта *любовь* в песенном дискурсе» посвящена отображению лексических средств сопоставляемых языков и приведению в систему, объединенных в семантические и ассоциативные образные ряды и сформировавших суть концепта *любовь*. Исследуется национально-культурная специфика концепта *любовь* в символично-метафорических и фразеологических составах сопоставляемых песенных дискурсов, а также центровые маркеры экспликации эмоции *любовь* в песенном дискурсе.

Заключение включает в себя результаты и выводы по выполненному исследованию, формулируются предложения по проведению последующих исследований.

ГЛАВА 1. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА *ЛЮБОВЬ*

1.1. Концепт как основной способ представления знаний о мире человеческих эмоций

Эмоциональная языковая картина мира предполагает под собою комплекс эмоциональных изображений, определений, «отмеченных» особым способом в ментальной области языковой личности. Человеческие эмоции формируют сложный структурно-коннотационный феномен - эмоциональную языковую картину мира, которая образуется вследствие оценочных действий человеческого понимания при познании действительности.

Е.С. Кубрякова, говоря о когнитивных причинах языковой номинации, рассматривает языковую картину мира как структуру знаний об окружающей действительности, выделяя познавательный характер данной ментальной сущности. Она отмечает, что «когнитивно ориентированное исследование деривационных процессов позволяет уточнить не только специфику «картирования» мира в отдельно взятом языке, но и <...> способствовать выведению некоторых единых положений о понимании человеком главных бытийных категорий, особенностей мироздания, закономерностей устройства мира, как в физическом аспекте человеческого бытия, так и в его социальной организации и во всей свойственной человеку системе его ценностей и нравственных, морально-этических оценок» [Кубрякова 2003: 336-337].

Языковая картина мира отражает интерпретацию окружающего мира отдельной личности или языкового коллектива на основе его миропонимания. Е.С. Кубрякова обращает внимание на то, что «язык - отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [там же: 95]. Данное высказывание свидетельствует о том, что мир для человека - это не только то, что он постиг помощью собственных органов чувств. Наоборот, в

некоторой степени существенную часть этого мира отражают индивидуальные результаты проведенной человеком интерпретации изученного. Соответственно можно утверждать, что язык есть «зеркало мира», однако следует отметить, что это зеркало не лишено недостатков: оно показывает мир не напрямую, а в индивидуальной познавательной проекции человеческого общества.

Интерпретация языковой картины мира осуществляется на основе концептов, которые упорядочены особым способом.

Концепт является предметом научного поиска в многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных ученых. В их числе – работы Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева, Ф. Гваттари, В.И. Карасика, Д.С. Лихачева, З.Д. Поповой, И.А.Стернина, Н.Н. Болдырева, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, В.И. Шаховского и других.

Большинство ученых придерживаются мнения, что «термин «концепт» является зонтиковым, он «покрывает» предметные области нескольких научных направлений: прежде всего когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации» [Кубрякова 1996: 58], а также является объектом исследования в лингвокультурологии. Однако ментальные объекты, ассоциируемые с термином «концепт», не являются общим специфическим родовым признаком, поскольку принадлежность к области идеального свойственно значению, смыслу, понятию, представлению, образу, гештальту и др. Их характеризует скорее отношение, основанное на «семейном сходстве», подобное отношениям номинантов имени «игра», где «мы видим сложную сеть сходств, переплетающихся и пересекающихся» [Витгенштейн 1994: 11]. Ряд современных лингвистов-когнитологов определяют концепт как «базовую аксиоматическую категорию, неопределяемую и принимаемую интуитивно», как «гипероним понятия, представления, схемы, фрейма, сценария, гештальта и др.» [Бабушкин 1996: 19-27; Попова 2001: 72-74; Стернин 1998: 24-27].

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концепты являются ментальными сущностями, формирование которых происходит в сознании человека на основе его непосредственного чувственного опыта, из «предметной деятельности» человека, из мыслительных операций человека с другими концептами, в результате «языкового общения», из «самостоятельного познания значения языковых единиц» [Попова, Стернин 2001: 68].

Следовательно, язык является только одним из методов формирования концептов в сознании человека. Для его более результативного развития одного языка недостаточно. Обязательно вовлечение чувственного навыка, необходимы наглядность, предметная активность. Исключительно в данном комплексе разнообразных типов восприятия в сознании человека сформировывается полноценный концепт.

В свою очередь обязательно конкретно дифференцировать когнитивный (мыслительный) концепт, который состоит из компонентов (концептуальных признаков), и его языковое воплощение (слово, словосочетание, фраза), складывающихся из комплекса сем, представляющихся как средство и способ репрезентации когнитивных процессов в лингвистических структурах, но не демонстрирующую концепт в полном объеме. Языковые инструменты, вербализующие концепт, отражают лишь часть концептуальных признаков, «релевантных для сообщения, передача которых является задачей говорящего, входит в его интенцию. Весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть» [Попова, Стернин 2001: 38].

Концепт не конструируется из значения слова, он представляет собой результат противоречия словарного значения слова с личным и народным опытом: «Потенциальность концепта от того обширнее и полнее, чем безграничнее и содержательнее культурная компетенция человека. Тем глобальнее становятся потенциалы для образования эмоциональной ауры

слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта» [Лихачев 1997: 281]. Концепты не только обдумываются, но и чувствуются, являясь тем самым предметом эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и противоречий.

В толковании Ю.С. Степанова концепт определяется как главная ячейка культуры в ментальном мире человека. Он видит концепт как трехкомпонентную структуру, в состав которой входят:

- 1) актуальный признак, составляющий основу концепта;
- 2) «пассивный» признак, являющийся дополнительным, уже не актуальным, «историческим»;
- 3) внутренняя форма, вербализованная в словесной форме.

Определяя специфику культурных концептов, Ю.С. Степанов дефинирует их как «многомерные смысловые образования в коллективном сознании, опредмеченные в языковой форме» [Степанов 2001: 47]. Данное определение мы берем за основу нашего исследования.

Образованные носителями языка и не утратившиеся из памяти людей концепты, формируют концептосферу национального языка. Она «тем богаче, чем богаче вся культура нации - ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (она также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации» [Лихачев 1997: 284].

Необходимо отметить, что различные трактовки термина «концепт», определенные методами и многообразным аппаратом изучения данного явления, отображают осознание двусоставной сущности концепта: в лингвистическом и культурологическом направлениях - в качестве языкового знака, а в философском и когнитивном направлении - как содержательная сторона знака, представленного ментально.

Вместе с тем для рассмотрения концептов как «сгустков культуры» применяется сопоставительный анализ концептуальных систем разных народов, который позволяет увидеть особенности национально-

специфического сознания человека, а так же общие и специфичные хаарктеристики мыслительной деятельности отдельного народа, вербализуемые языковыми средствами, выявить специфику его ментального мира, национального характера [Красавский 2001].

Согласно современному пониманию концепта, он может включать в себя как универсальные, так и культурно-маркированные черты.

Универсальность концепта определяется способностью эмоций представлять «центральную часть жизни человека», которые способны сделать «представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга» [Шаховский 1996]. Данный факт объясняется тем, что психологические и физиологические механизмы выражения эмоций имеют многофункциональный характер и совершенно не зависят от его культурной и этнической принадлежности.

Концепт выделяется дополнительными эмотивными, ценностными и оценочными параметрами. Любое определенное семантико-психологическая и эмоционально-эстетическая осуществление концептов, а конкретно, *любовь* обуславливается отличительными чертами языкового сознания личности как полного образа носителя и проводника культурных, языковых, коммуникативнодеятельностных и поведенческих реакций.

Важное место в лингвокультурологических исследованиях занимает проблема *репрезентация эмоций в языке*, которая является актуальной и в филологических исследованиях [см.: Бабенко 1989; Вежбицкая 1997; Фомина 1996; Шаховский 1988]. Лингвокультурологическое исследование психических переживаний человека дает возможность продемонстрировать специфику культурных предпочтений и доминант, оригинальность организации психического, внутреннего, ментального мира представителей конкретной этнической общности, языковой группы, ее менталитет.

Эмоции имеют отличительную особенность, которая проявляется в разнообразии свойств и мнений, что соответственным образом отображается на определении проблемы статуса и сути таких определений

как 'эмоция', 'образ', 'концепт'. Данные определения являются базовыми при изучении и отображении художественного текста/дискурса как исключительной коммуникативной единицы.

Теоретическую важность для изучения лингвокультурных концептов представляют следующие положения:

1) концепт как базовая единица культуры в ментальном мире человека «не только мыслится, но и переживается» [Степанов 2001: 40];

2) различные языки отражают действительность по-разному, и анализ концепта как структурного элемента национального сознания, обладающего словесной формой, дает возможность обнаружить национальную специфику концепта;

3) эмоциональные концепты представляют собой когнитивную единицу высокого уровня обобщения, отражающую в языковом сознании многолетний опыт народа в формате всесторонних и этноспецифических взглядов об эмоциональном переживании;

4) эмоциональный концепт *любовь* «получил» языковую фиксацию парадигматически и синтагматически в значительном количестве лексических средств, стал темой множества фразеологических выражений [Панченко 1999: 20].

1.2. Эмоция *любовь* в контексте других эмоциональных состояний

Эмоции гарантируют общественную взаимосвязь не только между разными категориями людей из одного социума, но и среди людей, относящихся к различным культурам.

В «Кратком психологическом словаре» эмоции представляют собой «психическое отражение в форме непосредственного, пристрастного переживания, жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта» [КПС 1985: 461].

В данном исследовании видна четкая взаимосвязь языка и эмоции *любовь*, по этой причине, возможно, выделить то обстоятельство, что язык, как система, выражает и мысли, и чувства. «Язык отражает взаимосвязь эмоционального и рационального переживания в сознании и мышлении человека. Проявление данного переживания происходит через эмоциональное отношение языковой личности к предмету речи. Исходя из этого, возможно сделать вывод о том, что эмоции, а конкретно их выражение в языке, занимают одно из основных мест в области развития лингвистики» [Шаховский 1995: 50]. В.И. Шаховский номинирует эмотиологию как науку о вербализации, выражении и коммуникации эмоций.

Следует принять во внимание и то обстоятельство, что вербальная идентификация эмоций всегда субъективна, эмоции не выражаются в полной мере, если у них отсутствует взаимосвязь с ситуацией и субъектом. В основе эмоций присутствуют познавательные процессы, что свидетельствует о том, что эмоции постоянно ситуативны и когнитивны. В связи с чем, выбор языкового средства всегда будет взаимосвязан с ситуацией, и возможен через минимум две системы передачи эмоции — язык тела и язык слов. Так же следует принять во внимание и то, что стандарты передачи эмоций различны в разных культурах. Из этого следует вывод, что эмоциональное самовыражение неоднократно самым естественным образом связано с языком.

«Говоря о языковом уровне, эмоции трансформируются в *эмотивность*; эмоция есть психологическая категория, а эмотивность — языковая, поскольку эмоции могут и вызываться, и передаваться (выражаться, проявляться) в языке и языком» [Мокрова 2008: 561].

В эмотиологии языковые единицы, воплощающие эмоции, разделяются их: а) определением или названием; б) отличием типов описания; в) средством выражения в речи. В эмотиологии под выражением эмоций толкуется их непосредственное речевое выражение: «Под *эмотивностью* понимается имманентно присущее языку семантическое свойство выражения

эмоциональности как факта психики системой своих средств, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [там же: 562].

Эмоциональное пространство человечества подразумевает наличие единого (инвариантного) эмоционального контекстуальной сферы, которая кодируется и отражается в лексических и идиоматичных символах непосредственного человеческого языка. Тем не менее, различные культуры и отдельные индивиды внутри них существенно различаются в собственном взаимоотношении к эмоциям. Более всего яркие индивидуальные различия между людьми проявляются в эмоциональной сфере. Все стороны личности, ее характера, интеллекта, ее интересов и отношений к другим людям проявляются и отображаются в сфере эмоций и чувств.

Поскольку у каждой отдельной личности могут преобладать различные эмоции, то и отношение людей к окружающему миру и их поведенческие реакции носят сугубо индивидуальный характер. При этом типичными отличительными характеристиками эмоциональных особенностей личности могут быть выражены «1) в сильной или слабой эмоциональной возбудимости; 2) в большей или меньшей эмоциональной устойчивости; 3) в силе или интенсивности чувства; 4) в его глубине» [Мокрова 2008: 563].

А.Вежбицкая отмечает, что для определения эмоциональных концептов необходимо выбирать те слова, которые являются «интуитивно понятными (неспециальными) и не являются названиями специфических эмоций или эмоциональных состояний» [Вежбицкая 2001: 19].

А. Вежбицкая выделяет так же ряд основных положений, которые необходимо принимать во внимание, выполняя исследования эмоций:

1. Изучение эмоций представляет собой важную и необходимую часть психологии и когнитивных наук.

2. Исследование эмоций представляют определенную сложность, так что достаточно долгое время считалось, что верифицировать результаты подобных изучений не представлялось возможным.

3. Наиболее полно структуру и природу эмоций и эмоциональной сферы человека способны отразить народные представления, вербализованные лексическими единицами, несущими эмоциональную маркированность.

4. В области лингвистических исследований эмоций следует уделять особое внимание эмоциональным концептам, вербализованным в родном языке.

5. Изучая понятия с универсальной точки зрения, можно узнать очень многое о системе мышления и знания, которой обладают носители языка [Вежбицкая 1997: 348].

Подводя итог вышеизложенному, изначально эмоции представляли собой предмет и объект изучения психологии, но полное отображение они приобрели, когда началось их изучение в бытовом дискурсе.

Эмоция *любовь* является одной из главных в концептосфере эмоций, в связи с этим, она имеет возможность пересекаться с остальными эмоциями.

Особую популярность в течение последних трех десятилетий приобрела концепция базовых эмоций. Многие ученые пришли к выводу, что небольшое число эмоций выполняют роль первичных эмоций. Наименьший набор эмоций состоит из трех компонентов, а самый большой — из одиннадцати. Но в большинстве случаев в их составе насчитывается от пяти до девяти эмоций. Необходимо акцентировать внимание на то, что такие эмоции, как страх (печаль), гнев (горе), грусть (одиночество) появляются во всех случаях [Вежбицкая 2001: 57]. Поэтому к группе «основных», или «базовых» принято причислять, в частности, гнев, страх, печаль и др. Соответственно можно противопоставить положительные эмоции (например, радость, счастье) и отрицательные (гнев, горе, страх). Исходя из данной классификации, эмоцию *любовь* возможно соотнести к группе базовых положительных эмоций.

Для многочисленных концепций вероятность объединения эмоций является важнейшим принципом, разъясняющим появление сложных чувств из более простых. Так, сострадание Р. Декарт видит как «соединение *печали*

и любви» [Декарт 1989: 249]. *Ревность*, согласно Б. Спинозе, сложный аффект, состоящий одновременно из любви и *ненависти* к любимому человеку и *зависти* к тому, кого он (она) любит.

Не исключается, что любовь формируется из таких чувств, как *заинтересованность, возбуждение, наслаждение, счастье*.

Безусловно, случаются эпизоды, когда любовь вынуждает человека чувствовать *грусть*. Данная грусть обуславливается разочарованием в предмете обожания или разлукой с ним, однако основным фактором грусти, безусловно, останется любовь.

Общеизвестно, что параллельно с чувством любви можно испытать *злость*. Определенные люди свидетельствуют о том, что наиболее тяжкие огорчения и самый пламенный *гнев* у них пробуждает непосредственно обожаемый человек.

Обнаружение и представление определенных закономерностей порождения одних эмоций иными представляется Б. Спинозой. Нижеприведенный им материал демонстрирует, «что чувственные взаимоотношения, формирующиеся в различных условиях из определенной исходной эмоции, в единичных случаях могут быть весьма трудны и многообразны». Б. Спиноза определяет связь «*любви и надежды, радости, сострадания, благорасположения, уверенности, любезности, благоговения, похвалы, признательности, благодарности, преданности, удовольствия, неудовольствия, печали, ревности, ненависти, страха, подавленности, негодования, зависти, честолюбия, порицания, мести, гнева, жестокости, униженности, самолюбия, самоудовлетворенности, чревоугодия, пьянства, разврата, скупости и честолюбия*» [Спиноза 1993].

К. Изард, проводя исследование нескольких из этих элементов, предлагает рассматривать эмоцию *любовь* с различных позиций. Ученый отмечает, что данная эмоция имеет не только положительную коннотацию (*интерес, возбуждение, удовольствие, радость*), но и негативную (*печаль, грусть, злость, гнев, разочарование*). Также он предлагает дополнить

существующую классификацию любви такими видами, как «*любовь как переживание*» и «*любовь как отношение*» [Изард 1980: 52-71]. Таким образом, *любовь* можно интерпретировать как совокупность эмоционального, мотивационного и когнитивного компонентов.

Р. Плучик, представляет эмоции как физическое взаимодействие, которое предопределяется определенным адаптивным биологическим процессом. Также он призывает исследовать личностные характеристики как сочетание некоторых первичных эмоций, например, *любовь как радость* в дополнении с *принятием* [Plutchik 1962].

Р. Стернберг в своей теории анализирует три основных компонента любви (*страсть, интимность и преданность*), на базе которых формируются вероятные индивидуальные образы любовных отношений: *любовь как страсть, любовь как обязательства и любовь как дружба*. При этом идеальной считается любовь, которая сочетает в себе все три компонента [Стернберг 2001].

З. Рубин определяет такие типы любви, как *привязанность, забота и интимность* [Rubin 1970: 265-273].

Э. Фромм рассматривает любовь как «ответ на проблему человеческого существования». «Человек, осознавая собственную обособленность от природы, осознавая собственную жизнь, прошлое, осознает и краткость своего пребывания на Земле, т.е. то, что не по собственной воле он создан и не по собственной воле покинет этот мир». Метод прохождения этого, по Э. Фромму, и есть любовь. Он описывает любовь, что это «активная заинтересованность в жизни и развитии того, что мы любим» [Фромм 2001: 17-24].

Немаловажным фактором является разносторонний характер любви, то есть она может быть направлена на все, а не на что-то одно. При этом действенный характер любви обеспечивает наличие таких неотъемлемых элементов, как *давание (отдачу), заботу, ответственность, уважение и знание* Э. Берн рассматривает любовь как «наиболее полное и наиболее

благородное из всех отношений и включает в себя самое лучшее из всех остальных отношений: *уважение, восхищение, страстность, дружбу и интимность*» [Берн 2003].

В многочисленных научных исследованиях эмоция *любовь* обнаруживает взаимосвязь с другими различными эмоциями:

– положительными: благоговение, благорасположение, благодарность, возбуждение, восхищение, давание (отдача), дружба, забота, интерес, интимность, любезность, надежда, ответственность, похвала, признательность, преданность, радость, сострадание, страсть удовольствие, уважение, уверенность, честолюбие;

– отрицательными: гнев, грусть, жестокость, зависть, злость, месть, негодование, ненависть, неудовольствие, печаль, подавленность, порицание, приниженность, пьянство, разврат, разочарование, ревность, страх, скупость, самолюбие, самоудовлетворенность, честолюбие, чревоугодие.

Лексемы, вербализующие данные эмоции, являются также репрезентантами концепта *любовь*.

1.3. Проблемы лингвистического анализа песенного дискурса

На сегодняшний день дискурс изучают многие науки, исследуя его обозначение с позиции гуманитарных наук, в которых наблюдается семантическая неопределенность термина с момента его применения для лингвистического исследования [Баранов 1996: 179]. Так, во французском языке слово «discours» означает динамическую речь. Согласно определению, данному в «Толковом словаре английского языка» («Oxford English Reference»), дискурс понимается как 1) беседа, разговор (Conversation); 2) переговоры (Negotiation); исследование, изучение (Investigation) [Allen 2007: 264]. В значении «слово, выражающие мысль» термин «дискурс» упоминается с 1613 года [Демьянков 2007: 89].

Воспользовавшись «Кратким словарем терминов лингвистики текста»,

можно установить следующее определение дискурса Т.М. Николаевой, которая дефинирует его «как неоднозначный термин лингвистики текста, применяемый некоторыми авторами в значениях, фактически омонимичных» [Николаева 1978; 467]. Наиболее распространенными являются толкования дискурса как 1) связанный текст; 2) вербальная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, взаимосвязанных по смысловому значению; 5) речевое произведение как данность — письменная или устная.

В пределах лингвистического направления дискурс понимается как речевая связь адресанта и адресата, а не как языковое выражение отдельного субъекта. Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействиях людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах), речь, погружённую в жизнь» [Арутюнова 1990: 136]. Другие авторы рассматривают его как «коммуникативное событие, порождающее текст, соотносящееся, во-первых, с определенной ментальной сферой/определёнными знаниями, и, во-вторых, с конкретными моделями-образцами, прототипами текстопорождения и восприятия» [Чернявская 2004: 106], как «процесс монологической или диалогической речевой деятельности, в котором представлена не только информация о «положении дел в мире», но и весь набор субъективных, социокультурных, в том числе стереотипных, прецедентных и других смыслов... При этом говорящий в коммуникативной ситуации производит свое речевое произведение, опираясь на общую с адресатом денотативную ситуацию, учитывая свои интенции, эмоции, оценки, связывает высказывания по текстovým законам смысловой и структурной целостности, завершенности, когезии и когерентности, оформляя, таким образом, некий результат - текст, т.е. «упаковывая» дискурс в текст» [Формановская 2000: 61].

В.З. Демьянков связывает дискурс с текстом, его восприятием со стороны интерпретатора. Ученый отмечает, что дискурс «состоит из предложений или их фрагментов, а содержание дискурса часто, хотя и не всегда, концентрируется вокруг некоторого «опорного» концепта, называемого «топиком дискурса», или «дискурсным топиком»» [Демьянков 2002: 34]. Основными компонентами дискурса являются предложения, которые называют пропозициями, и которые взаимосвязаны между собой на основе логических отношений. Понимание дискурса происходит в процессе компоновки отдельных элементов в единый ментальный конструкт, устанавливая различные виды связи в тексте и добавляя в текст новую информацию. Такой конструкт включает помимо информативного компонента еще и образный, оценочный, эмоциональный компонент, которые дают характеристику участникам событий, самому событию, то есть дискурс предполагает сочетание как реального, так и нереального, желаемого, субъективного.

В некоторых исследованиях термин «дискурс» рассматривается с точки зрения выполнения социальной роли и трактуется как лингвистическая единица речевого общения, выражающая различное отображение картины мира, содержащей:

- а) типизированные ситуации социального взаимодействия,
- б) участников социального взаимодействия,
- в) социальные нормы и конвенции,
- г) культурологические представления и формы [Григорьева 2007: 11].

Немного дополняя понимание дискурса, мы исследуем песенный дискурс, который представляет собой комплекс текстов песен (в данной работе это английские и русские народные песни), отличающихся характерными свойствами их структуры и функционирования.

Сложность изучения песенных текстов заключается в том, что состоит в том, что они предполагают под собою сложную совокупность музыкальной и словесной частей. В связи с чем, проводя лингвистическое изучение, следует

не забывать об их двойственности, однако в то же время отойти от мелодического элемента, так как данный элемент не входит в круг интересов данного исследования.

Следует отметить, что поскольку язык является «способом доступа к концептуальному знанию» [Попова, Стернин, 2001: 38], то песенный дискурс содержит не только языковые средства репрезентации песенных текстов, но и культурологическую специфику различных концептов.

Песенный дискурс является одним из видов «креолизованных» текстов, то есть текстом, в структуре которого одновременно с вербальными средствами используются иные способы семиотических кодов. Песенный дискурс разнообразен в стилистическом аспекте, так как включает в себя как характеристики разговорно-бытового стиля, так и характеристики поэтической речи (эпитет, сравнение, метафора).

Под метафорой понимается «метод и способ извлечения новейшего познания о реальности посредством переосмысления одной области в определениях иной на базе определения аналогичных взаимосвязей, которые свойственны для концептуальной картины мира этого либо другого лингвокультурного общества» [Дорофеева 2002; Красавский 2001; Телия 1996; Шаховский 2002 и др.]. Непосредственно в метафоре отражаются более значительные свойства изучаемой эмоции.

Метафоры имеют важное значение для решения задач сравнительного лингвокультурологического анализа, поскольку в них «отображается мышление человека, установленное культурой и спецификой эпохи, замечается и отражается национально-культурное богатство, накапливаемое языковым коллективом в ходе его исторического формирования» [Карасик 1996; Мечковская 1996; Телия 1998 и др.].

Песня наряду с отражением музыкальной культуры обладает своими особенностями: мелодичностью, простотой композиционной организации, способностью передавать эмоции и чувства человека. Текст песни способен актуализировать эмоционально-чувственный компонент, может иметь

нарративную функцию, повествуя какую-либо историю или ее детали, обычно любовную, при этом такие ситуации являются типичными практически для каждого человека, а также аргументативную функцию, сообщая о мнениях, оценках и суждениях автора [Плотницкий 2005: 5].

Одним из основных аспектов песни считается осуществление более присущей музыке функции являться способом достижения эмоционального равновесия с окружающей средой. Согласно мнению Л.С. Выготского, искусство (в том числе и музыка) «позволяет изживать величайшие страсти, которые не нашли себе выхода в реальной жизни... Мир вливается в человека через широкое отверстие воронки тысячью зовов, влечений, раздражителей — эта не осуществившаяся часть жизни должна быть так или иначе изжита» [Выготский 1986: 301].

Как отмечает В. Васина-Гроссман, использование в песенном дискурсе танцевального, энергичного ритма «всегда ведёт к решительному перевесу музыкального начала, а поэтическое слово превращается в простое средство вокализации мелодии» [Васина-Гроссман 1986: 55].

Особенного внимания заслуживает коммуникативное свойство производства и восприятия песни в дискурсе. Достойна внимания с нашей точки зрения модель коммуникации, предложенная Р. Якобсоном: в песенном сообщении, т.е. во время исполнения песни, выполняются: 1) *эмотивная* функция, выражающая отношение исполнителя к предмету сообщения — это авторская оценка, или субъективная модальность; 2) *коннативная* функция, выполняющая воздействие на адресата с помощью сообщения; 3) *референтивная* функция, связанная с передачей содержательно-фактуальной информации от адресанта к адресату; 4) *поэтическая* функция, заключающаяся в использовании стилистических тропов и фигур речи; 5) *фатическая* или контактоустанавливающая функция - её роль часто выполняют формы 2-го лица, вопросы, императивные предложения и стиль повседневного бытового общения; 6) *метаязыковая* функция, основанная на языковом коде, обслуживающей роли языка

[Якобсон 1983: 306].

Песенные дискурсы русского и английского народов представляют собой один из способов репрезентации языковых знаний членов указанных этноязыковых сообществ и вероятно могут использоваться во время речевого общения. Согласно мнению В.М. Савицкого и О.А. Кунаевой, устойчивым надлежит принимать то языковое выражение, которое «регулярно воспроизводится в готовом виде в речи языкового коллектива (или, по крайней мере, хранится в коллективной языковой памяти в качестве культурно-исторического реликта) [Савицкий 2004: 18]. Данное мнение не подлежит сомнению, однако следует обратить внимание на то, что «устойчивость есть величина градуальная и ...широко варьирует по временному параметру...» [там же]. Например, некогда известные для русского человека строки песен *«О любви немало песен сложено, Я спою тебе, спою ещё одну»* [Матусовский], *«Ты постой, постой красавица моя, Дай мне наглядеться, радость, на тебя!»* [Люб. песн. и романсы 2005: 35] теряют свою актуальность в современном мире.

Следует также отметить тот факт, что для текстов о неразделённой любви в большинстве своем характерна минорная тональность, отражающая грустное, печальное настроение, в то время как тексты о счастливой любви имеют мажорную тональность, ассоциирующуюся с активным, жизнерадостным восприятием музыки.

Таким образом, объединение музыкальных и языковых компонентов оформления песни способны решить проблему единого воздействия на содержательное и эмоциональное восприятие песни.

Выводы по Главе 1

Концепты представляют собой сложные мыслительные динамичные образования, содержание которых постоянно меняется во времени, причем характер этих изменений имеет культурологическую обусловленность.

Язык является одним из методов формирования концептов в сознании человека. Для его более результативного развития одного языка недостаточно. Обязательно вовлечение чувственного навыка, необходимы наглядность, предметная активность.

Человеческие эмоции формируют эмоциональную языковую картину мира, которая образуется вследствие оценочных действий человеческого понимания при познании действительности.

Эмоции представляют собой психический процесс, который отражается в языке с помощью языковых единиц. Семантические признаки, характерные для лексемы *любовь*, вербализующей соответствующий концепт, представляют собой первичные признаки, позволяющие в полной мере распознать эмоциональное состояние любви. В самой эмоции *любовь*, если рассматривать ее во внеязыковой реальности, можно выделить следующие факторы:

- 1) происхождение эмоции;
- 2) сила эмоции;
- 3) внешнее выражение эмоции;
- 4) продолжительность эмоции;
- 5) темперамент (характер) эмоции.

Всестороннее исследование лексико–семантической основы концепта *любовь*, рядом с которым формируются периферические объекты концептуального пространства, является результативным путем лингвистического изучения строя концепта *любовь*. В многих научных трудах зафиксировано родство между понятием *любовь* с многообразием положительных и в то же время отрицательных проявлений эмоций.

Подходящие когнитивно-семантические характеристики лингвоконцепта *любовь* репрезентируются соответствующими номинативными единицами, в числе которых лексемы, словосочетания, предложения, текст.

Концепт *любовь* рассматривается в качестве основы для сравнительного анализа культурологической маркированности. Разноуровневые языковые единицы, объективирующие данный концепт в русском и английском песенных дискурсах, рассматриваются в сфере отражения их понятийного и образно-оценочного компонентов.

Выявление семантических признаков, характеризующих концепт *любовь/Love* в английской и русской лингвокультурах, является основной задачей для сопоставительного анализа, поскольку данный способ поможет определить общие и специфические характеристики соотнесенных эмоциональных концептов различных лингвокультур.

Вследствие сравнительного рассмотрения содержательных свойств, включенных в семантические структуры лексемы «*любовь*» и «*Love*» и зафиксированных в лексикографических источниках, можно прийти к заключению, что представителями русскоязычного и англоязычного языкового сообщества смысловое понимание изучаемых единиц осуществляется различными способами:

- в понимании носителей английского языка важным показателем любви считается сильное чувство расположения, влечения, в большинстве случаев к человеку, выступающему как член семьи. Для русского человека данное чувство распространяется в большей степени не на членах семьи, а скорее наоборот – на людей, не являющихся родственником;

- фактически в каждом словаре одним среди прочих прототипических показателей любви является чувственная эмоция, сосредоточенная на человеке;

- значимым показателем эмоции *любовь* в сравниваемых языках считается признак ‘желание’, ‘страсть’. В англоязычном коммуникативном

пространстве любовь обладает «глубиной», является «глубокой эмоцией», характеризующей половое влечение. У представителей русского языка она отражает только стремление, направленность на субъекта противоположного пола.

Эмоциональный концепт *любовь* имеет многоплановую структуру. На основе компонентно-дефиниционного анализа вербализаторов концепта *любовь*, единиц синонимических рядов данных лексем и эмотивных единиц можно определить содержательную структуру исследуемого лингвоконцепта, а также выявить периферические зоны эмоционального концепта *любовь*. С целью раскрытия всесторонних этноспецифических свойств лингвоконцепта *любовь* следует изучить его объективацию на различных уровнях языка: метафорическом, лексическом и фразеологическом.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ЛЮБОВЬ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Концепт *любовь* как эмоциональный концепт

Концепт *любовь/Love*, основной чертой которого является тождественная эмоция, находится в перечне ключевых, доминантных эмоций. Данная эмоция имеет рефлексивную природу, включающую невербальное ее отражение с помощью мимики и жестов, что дает основание рассматривать концепт *любовь/Love* в английской и русской лингвокультурах в качестве универсального психического явления.

Если рассматривать данный концепт в другом ракурсе, с позиций лингвокультурологии, то можно отметить, что «существует определенная культурная регуляция вербальных взаимоотношений между эмоциональными языковыми личностями в разных этносах» [Шаховский 2008: 22]. Кроме этого, каждый язык по-своему концептуализирует эмоциональный опыт человека [Вежбицкая 2001: 15], а «материальные экспоненты эмоций в языке» [Шаховский 2001: 13] являются носителями культурологической маркированности.

Концепт *любовь* представляется как многоаспектное явление, имеющее отношение к психологии, социологии и лингвистике. Для обнаружения всесторонних и этноспецифических признаков концепта *любовь*, следует изучить его объективацию на различных уровнях языка: лексическом, фразеологическом, в том числе изучить особенность языкового воспроизведения его психофизиологических выражений.

Целый ряд эмотивной лексики и фразеологии определенного языка раскрывает национальную картину чувств, в то время как сформированная система знаков по изначальному значению показывает эмоциональную основную картину чувств. Данные познания об эмоциях значительно

воздействуют на вербальное поведение в обоих видах общения - внутри- и межкультурном.

Любовь имеет несколько оттенков: проблемная любовь, наполненная страхом, напряженная тоска, сопоставимая с отчаяньем, и умиротворенная любовь, в которой чувствуется успокоение и безмятежность. Взаимоотношения эмоций весьма многогранны и двойственны. Данное противоречие связано с большим количеством эмоций и стандартностью периферического физиологического устройства эмоциональности.

Логографическое пространство образа - концепта *любовь* как вариация смыслового пространства не содержит точных пределов и соприкасается с пространствами других явлений (смежные с любовью - дружба, симпатия, и противопоставленные - равнодушие, ненависть). Любовь можно охарактеризовать как противоречивое явление внутренней жизни человека, как обстоятельство эмоциональных взаимоотношений и чувств; она содержит в себе многосоставную структуру. Таким образом, большое значение имеет, как языковой знак объясняет эмоцию *любовь*.

Если опираться на теорию дифференциальных эмоций, которая была предложена К. Изардом в одном из разделов своего труда «Эмоции человека», то можно сделать вывод о том, что «любовь кардинально отличается от базовых эмоций, таких как грусть, печаль, радость, счастье, гнев или страх» [Изард 1980: 52-71]. Приведенные в списке эмоции можно определить как базовые в связи с тем, что они обладают персональными средствами передачи. Несмотря на то, что любовь в равной степени представляет собой базовую эмоцию, параметры данной базы в соотношении к любви принимают отличное, более совокупное иное, звучание.

Если эмоцию *любовь* возможно назвать универсальной, то способы ее выражения в изучаемых культурно-языковых сообществах различаются в зависимости от темперамента ее выражения в отдельно взятой культуре.

Наиболее результативным методом лингвистического исследования

структуры концепта *любовь* представляет собой компонентный анализ определяющего его лексико-семантического ядра, рядом с которым формируются отдаленные элементы концептуального пространства.

Подобное языковое конструирование эмоционального состояния человека предусматривает прежде всего рассмотрение способов вербализации эмоции *любовь* с помощью языковых единиц различного языкового уровня, например, с помощью лексем, словосочетаний, предложений, текста. Слово, или лексема, является центральной структурной единицей языковой системы, «имеет первостепенную важность в порождении, восприятии, хранении и передаче информации» [Кубрякова 1996: 96-97], и поэтому оно обладает способностью отражать не только фрагменты внутрилингвистической природы, но и экстралингвистической действительности.

Вслед за Н.А. Красавским, под эмоциональным концептом в нашем исследовании будет пониматься «этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия, образ, оценку и культурную ценность, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [Красавский 2001: 60].

В качестве экстралингвистических факторов, характеризующих этномаркированную значимость концепта, понимаются народные традиции, обычаи, особенности быта, нравы, стереотипы мышления, модели поведения, обусловленные историческим развитием этноса [там же].

В русском языке названием изучаемого концепта является существительное *любовь* и *Love* в сопоставляемом английском языке. Номинант концепта *любовь* в определенном языке наряду с любым другим словом является элементом лексико-семантической системы языка и входит

в состав определенной лексической парадигмы, способствующей, по мнению С.Г. Воркачева, «интерпретировать его как имя смыслового ряда, образованного синонимами, соотносимыми с семантикой этого слова» [Воркачев, цит. по: Дорофеева 2002].

К суждению *любовь* практически невозможно применить единственно верное, полное определение. Данно обстоятельство мотивируется тем, что существует немало вариаций любви, тем не менее, в своей основе данные вариации имеют схожие черты, вследствие чего любая из них значительна и ценна для человека - романтическую любовь, любовь между детьми и родителями, любовь между братом и сестрой, дружескую привязанность, любовь к Родине и родному дому (патриотизм), любовь к животным, любовь к ценностям и идеалам и любовь к Богу.

В «Современном толковом словаре русского языка» *любовь* дефинируется как: 1) «чувство глубокой привязанности, преданности кому-либо, чему-либо», 2) «чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола», 3) «внутренние стремления, влечение, склонность, тяготение» [СТСРЯ 2002: 328].

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова данный термин имеет следующую дефиницию: «*любовь* - такое же чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством» [ТСРЯ 1938: 104].

В русских толковых словарях лексема «*любовь*» характеризуется как «чувство самоотверженной, сердечной склонности, глубокой привязанности к кому-либо; влечение к лицу другого пола, чувство расположения, симпатии к кому-либо, внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо, пристрастие к чему-либо, предпочтение чего-либо» [Ожегов 1973: 305].

Основываясь на результате анализа вышеуказанных толкований, возможно подчеркнуть выявленные семантические признаки *любви*:

- 1) положительное эмоциональное состояние;
- 2) самоотверженная,

неподдельная страсть; 3) сильная привязанность; 4) стремление к лицу другого пола; 5) симпатия к другому человеку; 6) внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо, пристрастие к чему-либо; 7) чувство, основанное на половом влечении; взаимоотношения двух людей, обоюдно связанных данным чувством.

В «Толковом словаре английского языка» *Love* определяется как «an intense feeling of affection and care towards another person, a deep or abiding liking for something, a profound and caring attraction towards someone» [БТСАЯ 1997: 459]. В «Толковом словаре английского языка» («Oxford English Reference») *Love* трактуется как «to like another adult very much and be romantically and sexually attracted to them, or to have strong feelings of liking a friend or person in your family».

Данные, полученные из английских толковых словарей, дают возможность выделить следующие семантические свойства:

1) сильное чувство неподдельной симпатии, благорасположения к кому-либо (человек является членом семьи или его высоко ценят); 2) активные эмоции, которые испытывают при половом влечении; 3) повышенная заинтересованность к чему-либо или к кому-либо; 4) человек, к которому испытывают любовь; 5) что-то, что делается с большим наслаждением; 6) объятия; 7) уловольствие.

Вследствие сравнения семантических признаков, отражающих семантические элементы значений *любовь/ Love* в англоязычных и русских лексикографических источниках, можно сделать вывод, что смысловое понимание исследуемых единиц является различным для представителей русской и английской лингвокультур:

– в англоязычной лингвокультуре главным показателем любви является сильное чувство расположения к объекту симпатии, в большинстве случаев к человеку, являющемуся членом семьи, то есть любовь – это семейная ценность;

– в английском языке прототипическим объектом любви является

человек, к которому испытывают любовь, который вызывает чувства радости; данный признак отсутствует в русских словарях;

- важным концептуальным признаком концепта *любовь* в сравниваемых языках является 'влечение': как в английском, так и в русском языках чувство «любовь» имеет «активный характер», который выражается в половом влечении к лицу противоположного пола;

- в русском языке значимым считается критерий самоотверженной душевной предрасположенности и глубочайшей привычки к кому-либо.

Сильное чувство расположения, притяжения, желания к кому-либо или чему-либо считается важным в переживании эмоции *любовь* для представителей английской и русской культур.

Учитывая концепт *любовь* в качестве категории для межъязыкового сравнения, мы анализируем межуровневые языковые ресурсы его объективации в русском и английском песенных дискурсах в единообразии их формулировки и содержания.

Рассматривая типологию эмоциональных концептов, будем придерживаться наиболее распространенного подхода в современной лингвистике, который предполагает разделение языковых единиц, вербализующих эмоциональные сущности, на номинативные, экспрессивные и дескриптивные [Шаховский 1988: 402]. По способу номинации средства объективации концепта можно классифицировать на первичные и вторичные [ЛЭС 2002: 336-337].

В числе языковых средств, номинирующих концепт *любовь* и осуществляющих первичную номинацию, можно условно выделить:

- номинанты концепта *любовь*, *Love*;
- синонимический ряд данных лексем, представленный 1) именами существительными: *влечение, влюбленность, увлечение, удовольствие, пассия, привязанность, предпочтение, сострадание, признательность, приверженность, пристрастие, обожание, расположение, страсть, симпатия, тяготение, тяга, склонность*; *amour* «любовь», *ardor* «сильная

страсть, желание», *attachment* «привязанность», *attraction* «притяжение», *bliss* «блаженство, наслаждение», *begin* «влюбленность», *courteousness* «любезность», *candor* «искренность», *compassion* «симпатия», *delight* «огромная радость, удовольствие», *desire* «страсть», *dedication* «преданность», *devotion* «увлечение», *delighting* «восхищение», *flame* «страсть», *favor* «благосклонность», *friendship* «дружба», *grace* «благосклонность», *heartiness* «сердечность», *hots* «чувство любви», *lust* «любовное желание», *matrimony* «союз», *passion* «увлечение», *propensity* «склонность», *pleasure* «удовольствие», *respect, regard* «уважение», *set phrase* «милостивая любовь», *sensitivity* «чувствительность», *tendency* «склонность, симпатия», *tenderness* «нежность», *worship* «преклонение»; 2) глагольными лексемами: *любить, влюбиться, обожать, боготворить, страдать, нравиться, увлекаться, уважать; loved* «любить», *fall in love* «влюбиться», *please* «нравиться», *suffered* «страдать», *admire* «восхищаться», *need* «любить», *like* «любить», *com to love* «полюбить»;

– стилистические выразительные средства: *избранье (устар.)*, *охота (устар.)*, *вожделение (устар.)*, *зазноба (стар.)* *слабость (разг.)*, *приянь (устар.)*, *зазнобить (стар.)*, *втюриться (разг.)*, *влопаться (прост.)*, *втрескаться (прост.)*, *врезаться (прост.)*, *жалеть (в художественной литературе)*.

Вторичную номинацию представляют языковые средства, в которых присутствует перенос значения с одних объектов окружающего мира на другие, т.е. метафоры, символы, устойчивые выражения (*милый иссушил, раненое сердце тоскует, душа болит и страдает; to lay bare one's heart* «открывать кому-либо свою душу», *to be imprisoned in someone's heart* «быть заключенным в чье-либо сердце», *capture the heart* «завладеть сердцем», *the heart suffers* «сердце страдает», *heart in sorrow* «сердце в печали» или фразеологизмы (*любить без ума, любить до гроба, сходить с ума, влюбиться без памяти, сердце стонет, кручинушка сокрушает, души не чаять, терять голову — lose your head, влюбиться с первого взгляда — fall in love at first*

sight, сходить с ума — go crazy).

К ряду представляющих единиц можно отнести постоянные сопоставления (*сердце горит, как пламя, сердечко стонет, дрожит как лист на ветру*), фразеологизмы, изображающие переживание любви или действий в период переживания данной эмоции (терзать сердечко, зажечь сердце, *in love and complete harmony* «в любви и согласии», *give love and loyalty* «дарить любовь и верность кому-либо», *in love and pain* «в любви и в боли»), лексико-семантические средства, которые представляют концепт любовь через названия смежных/пограничных концептов (нелюбовь, любовь), а также через представления поведения человека в условии переживания эмоции любви. Нормы, которые включены в эту группу, в структурной схеме представляют собой предложения или словосочетания по структуре: *жить в нелюбви, сгорать любовью, разбередить сердце, Love burns hot* «любовь пылает жарко», *Two hearts beat in unison* «два сердца бьются в унисон».

Наиболее эмоционально и ярко состояние любви в тексте, в контексте, в структуре дискурса описывают междометия: *Ax!, Oy!, Oх!, Уж!, Ай!, Ух!, Эх!* - в русском песенном дискурсе; *Ah!, O!, Oh!, Ugh!* - в английском песенном дискурсе. Данные междометия необходимы для выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на любовь. Несмотря на то, что они не несут в себе названия чувства и восприятия, они их иллюстрируют. Основываясь на контексте и полной эмоциональной окрашенности речи одно и то же междометие может выражать как сочувствие, так и осуждение, тревогу и восторг, преклонение и пренебрежение, ужас и храбрость, любовь и ненависть. Значительный потенциал для смысловых дифференциаций имеет фонетическая репрезентация междометий: интонационная модификация гласных, удвоение и утроение междометий, в том числе производных от знаменательных частей речи, например: *Ох да!, Ой да!, Ой ли!, Ох дак!, А-ох!, А—ой!, Э-эх!, Э-ах!, Э-ай!, Э-ой!, Э-ох!, Эй, ну!, А-э-ох!, О-ой да!, Эко!, Экой!, Ахти!* (в русском песенном дискурсе); *Oh yeah! O yeah!* (в английском песенном дискурсе). Языковые средства, приведенные в данных примерах,

выполняют номинативную функцию, которая в речи актуализируется наряду с экспрессивной функцией переживания эмоции любви. Тот факт, что вышеуказанные междометия начинаются с гласной буквы и произносятся на выдохе, демонстрирует эмоциональную экспрессию.

В связи с тем, что в работе ведется изучение песенного дискурса, необходимо рассмотреть нарративную суть. Установление повествовательной системы поэтического текста, в отличие от прозаического текста, является довольно сложной проблемой. Основываясь на концепции Г.А. Золотовой, возможно выделить по смысловому признаку пять коммуникативных средств, или «регистров» речи:

- *репродуктивный* (говорящий описывает в своей речи исключительно то, что наблюдает вокруг себя),
- *информативный* (говорящий сообщает в своей речи то, что ему известно или то, что он познает),
- *генеритивный* (говорящий в своей речи делает определенные выводы либо подитоживает то, что известно ему) [Золотова 1999: 90].

В диалогической речи выделяются *волюнтативный* (волеизъявление говорящего) и *реактивный* (реакция говорящего на речевую ситуацию) признаки.

Количественный анализ 386 русских и английских текстов, представленных в песенном дискурсе продемонстрировал, что основным регистром в русскоязычном любовном песенном дискурсе является волюнтативный признак, репрезентированный в 43% текстов, репродуктивный признак содержится в 25% текстов, а реактивный - в 20% текстов. Генеритивный и информативный регистры выявляются в не очень большом количестве песен — 7% и 5% соответственно. В английском любовном песенном дискурсе лидирующее положение занимает репродуктивный регистр (35%), далее следуют волюнтативный (29%) и информативный (25%). Реактивный (8%) и генеритивный (3%) регистры имеют в англоязычном песенном дискурсе небольшую частотность.

Проведенный анализ песенных дискурсов и полученные количественные данные позволяют сделать вывод о том, что тексты песенного дискурса сопоставляемых языковых культур характеризуются направленностью на отображение и толкование определенных условий, ситуаций и предметов действительности.

Таким образом, песня, выполняя референтную или эмотивную роль, отражает окружающий мир через призму межличностных отношений, оказывает воздействие на слушателя, тем самым подталкивая его на правильную эмоцию. Песня формирует единый эмоциональный мир, заставляя слушателя вживаться в определенный образный мир песни, стимулирует его, побуждает его к конкретной модели поведения, создаваемой сценарием песенного спектакля.

2.2. Языковая репрезентация концепта *любовь* в русских и английских народных песнях

Согласно данным, полученным на основе лексикографических источников русского языка, синонимический ряд номинанта концепта *любовь* содержит такие имена существительные, как *желание, любовь, влечение, страсть, восторг, избрание (устар.), обожание, пассия, зазноба (устар.), предпочтение, приверженность, привязанность, признательность, пристрастие, приязнь (устар.), расположение, симпатия, склонность, слабость, страсть, тяга (устар.), тяготение, увлечение (разг.)*.

Сама лексема *любовь* довольно часто используется в русском песенном дискурсе. Она демонстрирует «самоотверженную сердечную склонность, глубокую привязанность, влечение к лицу другого пола, расположение, симпатию к кому-либо, внутреннее стремление, склонность, тяготение к чему-либо, пристрастие к чему-либо» [Ожегов 1973: 305].

Для различных репрезентаций модификаций любви часто употребляется лексема *восторг*. *Восторг* демонстрирует собой

«необыкновенный подъем чувств, экстаз, упоение, а также восхищение, огромное удовольствие, радость (разг.)» [Ожегов 1973: 92]. Как понятие, отображающее эмоции человека, испытывающего любовь, в русском языке лексема *восторг* принимается как синоним основного понятия *любовь* [ССРЯ 1970: 522]: «Восторг любви нас ждет с тобою,/ Не уходи, не уходи» [Люб. песн. 1994: 41].

Если принять во внимание определение, что «любовь — это связь, или *привязанность*, между двумя людьми» [Александрова 1989: 172], тогда нам нельзя будет не согласиться с тем, что ни человеческое воображение, ни самый изощренный ум не смогли бы повлечь за собой более крепкой, более всеобъемлющей взаимосвязи, основанной на «чувстве близости, глубокой симпатии, преданности кому-чему-нибудь» [Ожегов 1973: 540]. Чувство *привязанности* в русском песенном дискурсе выражается скрытно («*Не забудь меня, мой милый друг!/ На что оставляешь сердце бедное./ Без тебя оно не надобно!*» [Лирич. песн. 1990: 284].

Синонимический ряд основной лексемы *любовь* дополняют слова *страсть* и *влечение*. Подходящим для русского языкового понимания признается то, что эмоция *страсти* представляется синонимом слова *любовь*, которое значит «сильно выраженное чувство, увлечение, создаваемое побуждениями инстинкта, сильное влечение к чему-нибудь, постоянную склонность, а также сильную, безудержную любовь с крайним преобладанием чувственного, физического влечения, душевный порыв, безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотенье» [Ожегов 1973: 710]: «*Не уходи, побудь со мною,/ Пылает страсть в моей груди*» [Люб. песн. 1994: 41]. «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова дает понятие *влечению* как «сильная склонность к кому-нибудь, чему-нибудь» [Ожегов 1973: 80]. В песенном любовном дискурсе реципиент, показывая испытываемое им чувство любви, признается в том, что испытывает влечение: «*У меня к тебе влечение,/ Безо всякого сомнения*» [URL: <http://teksty-pesenok.ru/rus-zhuki/tekst-pesni-vlechenie/1803218/>].

Помимо того, что *любовь* является эмоцией и относится к сфере эмоциональных переживаний, она сопровождается переживанием *потери*. Вследствие этого, *боязнь потери любимого человека* в некоторой степени может предполагать определенный склад души: предусмотрительность, осторожность, нерешительность, неуверенность в себе: «*Потеряла я колечко,/ Потеряла я любовь*» [URL:<http://www.romance.ru>].

Увлечение также считается одним из синонимов слова *любовь*, и в русском языке имеет одно из определений - «сердечное влечение к кому-нибудь, влюбленность» [Ожегов 1973: 755]. Если рассматривать данное понятие со стороны психологии, то его можно определить как влечение не только душевное, но и физическое.

Зачастую понятие *любовь* исследуется как модель *страдания*, то есть «физической или нравственной боли, мучения» [там же: 709]. *Любовь* в русском песенном дискурсе нередко проявляется в формате несчастной, страдательной: «*Может быть, ты перепутал час свидания,/ Иль, быть может, перепутал день?../ Я хожу одна, со мной моё страдание/ Тоже ходит рядом, словно тень*» [URL:<http://www.pesni.retroportal.ru>].

В песнях использование лексемы *страдание* может показывать, что любовь, несмотря на статус положительной эмоции, может повлечь за собой и негативный оттенок, например: Не играй, гармонь, довольно, От страданья сердцу больно. («Где ж милый скрылся, где пропадает? /Бедное сердце плачет, страдает» [retroportal.ru], «Ромашки спрятались, поникли лютики...» («Зачем вы девочки красивых любите/ Одни страдания от той любви») [retroportal.ru], «Чудный месяц плывет» («Но иди, пусть одна я страдаю,/Пусть напрасно волнуется грудь./Для кого я жила и любила» [там же]) и «Разлилась Волга широко» («До свиданья, — милый скажет,/ А на сердце камень ляжет./ До свиданья, до свиданья,/ Не забудь мое страданье» [там же]),

Пристального внимания достоин и ряд следующих лексем, репрезентированных в русском песенном дискурсе: *охота*, *охотушка*,

избранье, зазноба, зазнобушка, забавушка. Данные слова не представлены в лексикографических источниках в качестве синонимов к слову *любовь*, но по смыслу они выделяются как синонимы номинанта концепта *любовь*.

В «Словаре русского языка» лексема *охота* определена как «желание, стремление (разг.)» [Ожегов 1973: 444]. В русском песенном дискурсе встречается уменьшительно-ласкательная форма *охотушка* («Свою волюшку я да ле те... ой, тешила,/ Ой тешила, да ле ой,/ Свою волюшку да ох... ой, охотушку,/ Охотушку, да ле ой,/ полюбила я да парня да... ой, дальнего» [Лирич. песн. 1990: 339].

Особого внимания заслуживает и лексема *забавушка*, которая выступает для определения легкого, мимолетного, не очень серьезного состояния любви. Ее дефиниционное толкование обозначает «детскую игрушку» (разг.) [Даль 1978: 549], но в художественной речи данная лексема выступает как синоним лексемы *любовь*: «Во зеленой травушке муравушке/ Не сыскать растерянных колец/ Не найти любви забавушки/ Тут и счастьицуконец» [URL:<http://www.waplib.ru/lib.ru>].

Лексема *слабость* входит в синонимический ряд и является номинантом эмоции *любовь* [СС 1975: 221], обладает стилистической функцией, что говорит о том, что она употребляется в большинстве случаев в повседневной обычной разговорной речи и зачастую в песенном дискурсе: «Подайте мне мальчишку, в того что влюблена./ Подали ей гитару,/ Налили ей вина,/ Но не дали мальчишку, к тому, что слабость испытывала она» [URL:<http://www.pesni.retroportal.ru>]. В основе испытания чувства, которое носит имя *слабость*, заложена эмоция *любовь*, которая ассоциируется со страстным влечением. Слово *слабость* обозначает «страсть, влечение, склонность, симпатию, которую трудно преодолеть (разг.)» [Ожегов 1973: 669], например, «Может быть влюбся ты, меня позабыл,/ И смеешься слабости. что всегда мне мил?» [Собр. нар. рус. песен с их гол. 1955: 72].

Лексема *обожание* во многих источниках признается как синоним лексемы *любовь* [СС 1975: 221; Александрова 1989]. *Обожание* определено

как «сильное, до крайней степени, любовное преклонение перед кем-нибудь» [Ожегов 1973: 394]: *«Много я любил / Женщин молодых,/ Но потом решил/ Сразу бросить их;/ И обожанию взамен/ Вино будем пить,/ Чтoб не знать измен,/ Чтoб свободным быть!»* [URL:<http://www.russianplanet.ru>].

В качестве номинанта эмоции *любовь* можно принять и лексему *нравиться*, которая означает «полюбить, найти себе по нраву, по вкусу, облюбовать; быть угодным, прийтись по нраву, по вкусу и по желанию; полюбиться кому-нибудь» [Даль 1979: 558]. Особого внимания заслуживает синтаксическая структура с указанной глагольной лексемой, где предикат *нравиться* может быть однонаправленным (например, «Мне нравится она» = я питаю к ней чувства, однако во взаимности не уверен, либо «Я нравлюсь ей» = она питает ко мне чувства, однако я не уверен, что испытываю к ней данное чувство) либо двунаправленным, («Мы нравимся друг другу», что говорит о гармоничных чувствах между нами), например, «*Уж больно мне понравилась/Смышленая девчонка*» [Рус. нар. песн. 1975: 205], «*Понравилась мне, молодцу,/Пригожая девчонка*» [Люб. песн. и романсы 2002: 16]. Также следует отметить, что лексема *нравиться* может применяться для описания положительных эмоций, которые испытывает субъект.

Осуществленный анализ семантики номинантов лингвоконцепта *любовь* способствует выявлению ряда его семантических свойств, отмеченных в лексикографических источниках:

1. В значениях абсолютно всех лексем, определяющих синонимический ряд слова *любовь*, определены следующие семантические элементы: «эмоциональное состояние», «чувство», «отклик на симпатию», «расположение», «стремление», «приятное, позитивное/негативное чувство». Указанные свойства признаются инвариантными прототипическими смысловыми свойствами концепта *любовь*.

В результате проведения лексико-семантического анализа синонимов основной лексемы *любовь* в песенном дискурсе обнаружилось, что наиболее активными синонимами *любви* считаются *страсть*, *зазноба*, которые

фиксируются как мощное, в крайней степени фанатичное любовное преклонение перед кем-нибудь, помимо этого, слово *слабость* с отметкой разговорное, означающее «страсть, влечение, склонность, симпатия, которую трудно преодолеть (разг.)», дают наиболее полное описание высшей степени любви. *Обожание*, основанием которого является «сильное, до крайней степени, любовное преклонение перед кем-нибудь», в той же степени выделяются сильной интенсивностью. Наименьшей насыщенностью отличается *влечение*, в основе которого лежит «непреодолимая склонность» и «сильное стремление». Эфемерностью обладает и лексема *влюбленность*. *Расположение* по насыщенности уступает *влюбленности* и выражает, главным образом, «благоприятное отношение, симпатию». Распределяя синонимы любви на шкале градации по насыщенности, крайнюю точку занимает *увлечение*.

2. Наряду с вышеуказанными семантическими показателями выделяются единичные признаки, способные охарактеризовать лингвокультурную специфику используемых лексем. Этнокультурными маркерами выступают концептуальные признаки 'восхищение' в лексеме *восторг*, 'чувство преданности, близости' в слове *привязанность*; 'физическое влечение' в слове *страсть*; 'боязнь потери любимого человека' в слове *страх*; 'симпатия' в слове *влюбленность*; непреодолимое стремление в слове *увлечение*; 'мучения' в слове *страдание*; 'благоприятное отношение' в слове *расположение*; 'страсть' в слове *слабость* (разг.); 'преклонение' в слове *обожание*; 'желание' в слове *охота*; 'субъект' в слове *избрание*; 'страсть' в словах *зазноба*, *зазнобушка*; 'мимолетное чувство' в слове *забавушка*.

Отличительными признаками русского песенного дискурса являются лексемы, дополняющие синонимический ряд номинанта концепта *любовь*, которые будучи не представленными в лексикографических источниках в результате нашего исследования выделяются как вербализаторы концепта *любовь*: *охота*, *охотушка*, *избранье*, *зазноба*, *зазнобушка*, *забавушка*,

признательность, приверженность, симпатия, тяготение, тяга, возжелание (устар.), избрание (устар.), предпочтение, склонность, приязнь (устар.), пассив.

В синонимическом ряду номинанта концепта *Love* в англоязычной лексикографии зафиксированы следующие имена существительные: *affection, attachment, devotedness, devotion, fondness, passion* [Толковый словарь английского языка 2008]. В «Словаре синонимов английского языка» П. П. Литвинова, данный синонимический ряд дополняется следующими синонимичными единицами: *liking, sympathy, leaning, amorousness, amur, cupid, courteousness, friendship, pleasure, favor, grace, worship, dedication, candor, lust, flame, regard, bliss* [URL: <https://www.russkoangliyskiyslovar.com/ru/love>].

Лексема *Amour* является заимствованием из латинского языка и представляет собой антропоним, номинирующий Бога любви. Ассимилировавшись в английском языке, слово *amour* стало обозначать «любовь».

Аналогично русскому языку, в английском языке номинант концепта *Love* имеет в составе синонимического ряда лексему *desire*, которая обозначает «сердечное состояние, в котором кто-то испытывает сильные чувства; сильную любовь, которую испытывают к кому-либо, в том числе желание; деятельность, которая очень нравится» [ТСАЯ 2006].

Лексема *Grace* («изящество») означает особый вид любви, и имеет в своей структуре такие концептуальные признаки, как ‘благоволение’, ‘милосердие’, ‘благосклонность’. Эмоция, вербализованная словом *Grace*, характеризуется не испытанием (как в большинстве случаев), а непосредственно милостью, благоволением: «*I want to be grace to you/ .../ and begs itself mercy* » («Я хочу быть благосклонным к тебе/ .../ и просится сама пощада! ») [там же].

Слово *Set phrase* означает «милостивую любовь» [ТСАЯ 2006], наиболее часто актуализируется в религиозном песенном дискурсе: «*Those*

that God has United,/ his sacred mystery/.set phrase is based on / to fall in love forever» («Тех, что Бог объединил,/ Своим священным таинством/. Милостивая любовь основана на том,/ Чтобы полюбить навсегда»).

Повышенная эмоциональность передается лексемой *Lust*, оозначающей «желание иметь что-либо, вожделение; желание что-либо сделать; радость и удовольствие, которое получают от какой-либо деятельности - удовлетворение; сильное желание секса - вожделение, страстное желание, стремление, наслаждение, сладострастие, похоть» (*«lust n. & v. --n. 1 strong sexual desire. 2 a (usu. foll. by for, of) a passionate desire for (a lust for power). b (usu. foll. by of) a passionate enjoyment of (the lust of battle). 3 (usu. in pl.) a sensuous appetite regarded as sinful (the lusts of the flesh). --v.intr. (usu. foll. by after, for) have a strong or excessive (esp. sexual) desire. ølustful adj. lustfully adv. lustfulness n. [OE f. Gmc]» [ТСАЯ, 2006]). Когнитивный потенциал данной лексики превосходит эмоцию, описываемую номинантом концепта *Love*: «*Oh i'm so tired of waiting i just nearly died, But i'm still fine we're lost in lust*» («О, я так устал ждать я просто чуть не умер, Но все еще прекрасно, что мы потеряли страсть»)) [Ehgl. Folk song], так как выражает очень сильное физическое желание.*

Синоним-лексема *Tendency* обозначает эмоции, испытываемые когда кого-либо любят, или кто-либо кому-либо симпатичен, в том числе применяют и для того, чтобы выказать свою благосклонность или расположение («*a probability that you will develop, think or behave in certain way + to/towards [Longman Dictionary of Contemporary English]*). В песенном дискурсе данная эмоция означает что-то возвышенное, то, перед чем преклоняются: «*This is my only tendency/ This is all I have left you see*» («Это моя единственная симпатия/Это все, что я оставил для тебя») [Ehgl. Folk song].

Характерной чертой слова *Ardor* признается «сильное чувство сексуального характера» («*Warmth or heat of passion or affection; eagerness*» [Английский словарь Webster]).

Pleasure, синоним концепта *любовь*, можно охарактеризовать как

состояние, при котором человек чувствует себя мирно и приятно «*the feeling of happiness or satisfaction that you get from an experience you enjoy*». Лексема *Pleasure* зачастую используется в песенном дискурсе: «*My love is full of pleasure/ Pleasure, my pleasure is there*» («Моя любовь полна удовольствий/Удовольствие, мое удовольствие там»).

Высокой степенью экспрессии обладает лексема *Delight*, обозначающая «огромную радость, огромное удовольствие» («*feelings of great pleasure and satisfaction (with/in delight)*» [Longman Dictionary of Contemporary English]): «*Now you're dancing in delight/ All your dreams are fulfilled*» («*Теперь вы танцуете в восторге/Все твои мечты исполнены*») [URL: <http://teksty-pesenok.ru/solitary-experiments/tekst-pesni-delight/1396726/>].

Выделенные семантические свойства номинантов лингвоконцепта *Love* и концептуальные признаки, представленные в англоязычном песенном дискурсе, доказывают, что среди выделенных семантических признаков обнаруживаются инвариантные семантические признаки. Перечисленные семы входят в состав значения каждого слова, составляющего синонимический ряд номинанта концепта *Love*.

Семантические признаки ‘причинность возникновения’, ‘длительность переживания эмоции’, ‘интенсивность переживания’ зафиксированы в значениях ряда лексем и могут выступать в качестве основания для классификации лексических единиц, образующих лингвоконцепт *Love*.

Основываясь на признаке ‘причинность возникновения’ эмоции *любовь*, номинанты концепта *Love* можно распределить на следующие группы:

1) физическое, сексуальное или душевное желание (*attachment, attraction, lust, ardor*); 2) склонность (*favor, grace, worship*); 3) интерес, симпатия (*passion, friendship, tendency*); 4) радость и умиротворение (*delight, bliss, candor*); 5) уважение (*regard, respect, dedication*).

Временной признак ‘длительность переживания эмоции’ характеризуется свойством кратковременности и продолжительности.

Соответственно вербализаторы концепта *любовь* можно разделить на три группы: 1) репрезентанты мимолетного, непродолжительного по времени чувства любви, например, *Attraction*; 2) вербализаторы любви, неограниченные временным фактором, например, *regard, respect*; 3) вербализаторы, занимающие промежуточное положение, поскольку могут обозначать как кратковременное/актуальное переживание, вызванное внезапной любовью, и продолжительное состояние человека, обусловливаемое определенными факторами.

По признаку 'интенсивность переживания' выделяются две группы: 1) номинанты менее интенсивных эмоций; 2) номинанты интенсивных переживаний любви, сопровождающиеся потерей самоконтроля, ощущения реальности происходящего.

Особую группу языковых средств, вербализующих эмоциональное состояние человека, составляют междометия.

Научно доказанным является тот факт, что междометия являются первичными формами языка, вербализующими эмоции человека. Они явились отправной точкой для лингвокогнитивного освоения мира и развития человечества, обусловили развитие человеческого интеллекта наряду с совершенствованием навыков говорения. Согласно утверждению А.Вежбицкой, междометие можно определить как «языковой знак, который выражает 1) текущее ментальное состояние говорящего и может быть использован сам по себе; 2) поддающееся определению значение (радости, ненависти, гнева, испуга и т.п.)» [Вежбицкая 1999: 616-618].

В лингвистической литературе междометие рассматривается как наиболее яркое средство выражения эмотивного значения, «специализированный эмотив» [Могутова 2002], функциональное назначение которого заключается в «эмоциональном выражении переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений» [Виноградов 1986: 445].

В числе междометий русского и английского языков, эксплицирующих эмоцию *любовь* в песенном дискурсе, можно выделить ряд междометий-

омофонов, имеющих формальное сходство в исследуемых языках:

Ах! («Ах, милый барин, добрый барин!/ Уж скоро год как я люблю» [Люб. песн. 1994: 8], «Ах, ты слышишь ли,/ Мой сердечный друг!/ Разумеешь ли,/ Жизнь-душа моя!» [Кашин 1959: 63], «-Ах, ты, душечка, купеческая дочь!/ Ты помни, радость, прежнюю любовь» [там же, с. 85]), *Ah!* («*Ah! Leah! Here we go again! Ah! Leah! Is it ever gonna end?*» [Engl. Folk song]).

Ай! («Ай, вот слезно плакучи») [Рус. нар. песн. 1988: 71], *Еу!* («*I got to be unstoppable Еу-еу-еу-еу! You don't lie*» [Engl. Folk song]).

«Песенный дискурс сопоставляемых языков ярче всего представлен первичными эмоциональными междометиями» [Фасмер 1987: 514-515], такими как:

Ах! («*Ах, что же ты, мой милый дружочек,/ Ах, что же ко мне ты не ходишь?*» [Кашин 1959: 96], «Ах, ты, Дуня черноброва!/ Ты зачем любишь иного?» [там же: 119], «Ах, девица, красавица!/ Любил тебя: я счастлив был;/ Любить не стал: несчастлив стал!» [там же: 164], «Ах, ты, Настенька-душа,/Настя, ягода моя!» [там же:284]),

Ой! («Ой, мороз-мороз» [Люб. песн. 1994: 42]),

Ох! («Уменя жена, ох, красавица» [там же], «*Oh, my God/ Oh, you think it's all for fun*»).

Уж! («Уж как, знать-то, молодцу подниматься самому» [Рус. нар. песн. 1984: 25]),

Увы! («Как бешеный кричу: увы! .../И от измены изменяюсь?» [Люб. песн. и романсы 2002: 192], «Но, увы, коротки наши встречи» [Чернов 1959: 220],

Ah («*Ah! Leah! Here we go again! Ah! Leah! Is it ever gonna end?*»).

Особенностью русского песенного дискурса является наличие императивных междометий [Валгина 2001: 236] (*постой, не говори, гей, иди!* и другие): «Ах, постой. Я ее не ругаю» [Люб. песн. и романсы 2002: 184], «*Не говори! ... и дни любви/ В миг ласки слова, с прежней силой*» [Чернов 1959: 320], «*Так иди, пусть одна я страдаю*» [там же: 220], которые

выступают сигналами чувств и волеизъявлений и являются идиоматическими релятивами, восходящими к иным частям речи.

Следующей особенностью русского песенного дискурса является использование в его структуре *междометий-утверждений, междометий - отрицаний*: *«Да - да, мой друг, я не вернусь»* [Люб. песн. и романсы 2002], *«Нет! С ума я сойду,/ Обожая тебя»* [Чернов 1959: 149]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля *да-да* или *да-да-да* (разг.) определяется как «припоминание чего-либо или подтверждение» [Даль 1978: 412].

Английский песенный дискурс отличается наличием песен с утвердительными междометиями и отсутствием отрицательных (*«Yeah yeah yeah I knew it all along», «All my diamonds cold like cold soda/ Uh, oh, yeah yeah»*). В «Толковом словаре английского языка» дается следующие определения междометию *Yeah!*: «утвердительный ответ, утверждение».

Рассмотренные выше междометия обладают общими категориальными признаками, выполняя специфические синтаксические функции и выступая в качестве самостоятельных интонационно оформленных нечленимых фраз. Кроме того, данные междометия имеют общее категориальное значение быть ответной реакцией на реплики или определенные ситуации.

Особый интерес в песенном дискурсе представляют *припевы* и *повторы*, которые можно отнести к разряду междометий: *«К стыдливой девчонке купец пристаёт,/ Он манит, целует, за ручку берет./Ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля- ля-ля-ля./ Ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля»* [Чернов 1959: 70], *«Ой, люли, ой, люли!/ Красной девке приказал»* [там же: 89], *«Эх выхвалялся, эх це... целовался с ней,/ Э... ой ли. ой люли це... целовался с ней»* [Захаров 1958: 80]. Данные междометия играют важную роль в песенном дискурсе, выступая основным способом создания мелодичности, а также являются обязательным компонентом для выражения яркой экспрессии чувств и эмоций. В песенном дискурсе часто встречаются повторы для более яркой выразительности эмоций, например: *Ah, ah «Ah! Ah! Nobody can stop me»*

[Engl.folk song].

Количественный анализ исследованных текстов в песенном дискурсе показал, что в русских народных песнях наиболее частотным случаем является применение простых (27%) и сложных (21%) междометий, наименьшую частотность имеют производные формы (3%) и окказиональные (3%). Междометия-утверждения составляют 11%, междометия-отрицания - 8%, императивные формы — 18% и припевы, повторы - 9%. В английском песенном дискурсе отмечается значительное преобладание простых междометий. В исследуемом нами английском песенном дискурсе были также выявлены междометия-утверждения (14%), окказиональные междометия (23%), припевы, повторы.

Таким образом, междометия, представляющие отдельную группу эмотивных языковых единиц, связаны с коммуникативной ситуацией. Они эксплицируются в основном в ситуации возбужденного состояния говорящего, и поэтому в песенном дискурсе могут иметь бессвязный характер. При сопоставлении междометий, манифестирующих эмоцию *любовь* в русском и англоязычном песенном дискурсах, обнаруживаются определенные общие и отличительные признаки.

2.3. Сопоставительный анализ номинантов концепта *любовь/Love* в песенном дискурсе

Рассматривая ментальное содержание концепта *любовь* в сопоставляемых языках, нами выделяются следующие когнитивные признаки: 'эмоциональное состояние/чувство', 'реакция на эмоцию', 'положительное/отрицательное'. Выявление различий в репрезентации данных признаков в английском и русском языках обеспечивает понимание национальной специфики выражения эмоций и успешность в межкультурной коммуникации.

В понятийный компонент концепта *любовь/Love* входят концептуальные признаки, отражающие понятие «любовь» как

психологический феномен. В данном понимании как в английском, так и русском языке, наблюдается полное совпадение концептуальных признаков 'интенсивность', 'причинность', 'продолжительность переживания'.

В некоторых случаях отмечается частичное совпадение по одному или нескольким признакам:

1) физическое, сексуальное или душевное желание (*attachment, attraction, lust, ardor, страсть, слабость (пазе.), обожание*); 2) склонность (*favor, grace, worship*); 3) интерес, симпатия (*passion, friendship, tendency, влюбленность восторг*); 4) радость и умиротворение (*delight, bliss, candor, удовольствие*); 5) уважение (*regard, respect, dedication, привязанность*).

Общими концептуальными признаками, репрезентированными в обоих языках, являются:

– признак 'кратковременность' (в значении слов *влюбленность* и *beguin*); признак 'удовольствие' (лексемы *радость, восторг* и *delight, bliss, candor*);

– признак 'уважение' (лексемы *привязанность* и *regard*);

– признак 'физическое влечение' (лексемы *страсть* и *desiret*).

Специфическими лексемами, имеющими культурную маркированность, являются лексемы *охота, охотушка, избранье, зазноба, зазнобушка, забавушка*, отмеченные в русском песенном дискурсе, и лексемы *Amour, Grace*, зафиксированные в англоязычном коммуникативном пространстве.

Отобранный для исследования языковой материал, отображающий комплекс русского и английского песенных дискурсов, доказывает то, что любви сопутствуют в равной степени как негативные, так и позитивные чувства.

Из исследования видно, что использование текстов народных песен предоставляет больше средств с целью раскрытия возможных взаимосвязей чувства *любви* с остальными чувствами и состояниями, дает возможность сформировать наиболее абсолютную и надежную картину презентации концепта любовь в английской и русской лингвокультурах.

Любовь в сравниваемых песенных дискурсах отражается в тесной связи с такими чувствами и состояниями, как: *жалость, страдание, страх, боль, несчастье, горе, стыд, вина, ревность, измена, предательство, обман, месть, гнев, тоска, печаль, разлука, страсть, уважение, счастье, влечение, радость, смущение.*

Многие из вышеуказанных эмоций несут в себе негативное значение, в связи с чем не находят прямого выражения в песенном дискурсе. Такие лексемы, как *надежда, благорасположение, уверенность, любезность, благоговение, похвала, признательность, благодарность, преданность, удовольствие, неудовольствие, подавленность, негодование, зависть, честолюбие, порицание, жестокость, униженность, самолюбие, чревоугодие, самоудовлетворенность, пьянство, разврат, скупость, честолюбие, восхищение, забота, ответственность, интерес, возбуждение, давание (отдача)* не имеют прямого выражения в песенном дискурсе, однако их наличие трактуется в контексте общего дискурса. Например, эмоции *надежды* и *любви* сочетаются в следующем контексте: One hope I'm melting, That, as you cruel any/My unhappy love/Reward me someday» («Одну надежду я таю, Что, как ты жестока ни будь, /Любовь несчастную мою/ Вознаградишь когда-нибудь») [Англ. нар. песня «О любви»].

Проанализировав актуализацию эмоции *любовь* при взаимодействии с остальными эмоциями и состояниями способствует прийти к выводу о том, что большинство из них позволяет сделать вывод о том, что многие из них в сущности подходящими для сравниваемых лингвокультур. Особенного места заслуживает эмоция *жалость*, нередко встречающаяся в песенном дискурсе русского языка в совокупности с эмоцией *любовь*. В большинстве случаев *жалость* в повседневном восприятии считают «мирским» подобием любви к ближнему своему и применяется в повседневном и художественном дискурсах.

Как видно из изученного материала, наличие описанной взаимосвязи характерно для обоих языков сопоставимых лингвокультур, однако, более

свойственна она для русской культуры. Выражение *жалости* и *милосердия* включается в ряд национальных поведенческих стереотипов, об этом говорил еще Ф.М. Достоевский: «*жалость* - драгоценность наша, и искоренять ее из общества страшно» [Достоевский 1876: 71].

Связь эмоции *любви* с *жалостью* в песенном дискурсе прослеживается очень ярко: «*Ах, девицы, рассудите грусть-печаль:/ Мне красавицу смертельно больно жаль*» [Кашин 1959: 208].

В нескольких изученных примеров выявляется взаимосвязь *любви* со *страхом*. Нельзя не указать на то, что в таком варианте признаком испытываемой совокупности эмоций признается не страх, а любовь: «*Его я видеть не должна, / Боюсь ему понравиться. / С любовью справлюсь я одна, / А вместе нам не справиться*» [Люб. песн. 1994: 281]. Страх - это неотъемлемая эмоция на то, что негативное может произойти.

Для русского и английского языкового сознания является актуальной связь *любви* и *ревности*. «*Сердце встрепенется и утихнет кровь, / Радость лишь оставит мне жаркую любовь/ Ревность вдруг исчезнет вся. / Ревность всего злей!*» [Кашин 1959: 204], «*Gotta hold of my possessive mind/ Turned me into a jealous kind*» («*Ты подчинила себе мой разум, Я стал ревнивцем из-за тебя*») [URL: <http://begin-english.ru/perevod-pesni/queen/jealousy-q>].

Чувство ревности зачастую вызвано *изменами* и *обманом*, они тесно взаимосвязаны с эмоцией *любовь*: «*А как нынче мил сердечный друг / Покидает меня, бедную,/ Изменяет мне душа моя*» [Кашин 1959: 202], «*Не по нраву мне/ Молодецкому,/ На руке лежит, -/ Во глаза глядит,-/ Что змея шипит!-/ -А как душечка,/ Красна девица,/ Моя прежняя/ Полюбовница:/ На руке лежит -/ Легко перышко*» [там же: 164], «*Любит парень девушку,/ Любит не по-прежнему,/ Любил все обманывал*» [там же: 167] или «*Мил еще и верен мне, нет не изменил*» [Собр. нар. рус. песен с их гол. 1955: 73]. В английском песенном дискурсе *измена* также присутствует:

«*The way I'm feeling it's leaving me cold/The air between us is dropping to*

freezin'/What's the reason/For your treason» («Я чувствую то, как она заставляет меня холодеть/Воздух между нами понижается до мороза/В чем причина/Для твоей измены») [URL: <http://begin-english.ru/perevod-pesni/matt-pokora/treason>].

В русском любовном песенном дискурсе не последнее значение имеют примеры, показывающие взаимосвязь эмоции любви со страстью: «О любовь! как сильно кровь ты во мне зажгла» [Кашин 1959: 204], «Вспоминает мое сердце/ По тебе, любезный мой./Гасни, гасни, огонь страстный» [Кашин 1959: 210]. В английском песенном дискурсе также можно отследить взаимосвязь эмоции любви со страстью, но не так же часто встречающихся, как в русском.

Для русского и английского восприятия отличительной чертой является взаимосвязь любви с чувством вины, наиболее часто встречающееся вины за безответную любовь: «I'll bury this guilt forever more/So under the waves and out of your way /I'll go» («Я навсегда похороню эту вину, Прочь от тебя под воду Я уйду»)

[URL: <http://begin-english.ru/perevod-pesni/hurts/under-the-bridge-h>] либо за любовь в целом: «Виновата ли я, виновата ли я,/ Виновата ли я, что люблю?» [Люб. песн. 1994: 250].

В большинстве своем русские любовные песни наполнены такими эмоциями как тоска и печаль: «Можно ли, возможно ль в печали жить?/ Кого любишь верного нельзя позабыть» [Кашин 1959: 182], «Посмотрю ли я на милого дружка,/ Хоть на время облегчу свою тоску» [там же: 66]. Однако нельзя не согласиться с тем, что и в английских песнях можно проследить данную взаимосвязь эмоции любви с тоской и печалью.

Рассмотрев объективацию концепта любовь в контексте других эмоциональных состояний и проведя сопоставительный анализ данной объективации в исследуемых языках, мы пришли к следующим выводам:

1) Как в русском, так и в английском песенном дискурсах отмечается наличие как позитивной, так и негативной оценочности эмоции любовь.

2) Позитивная оценка сопряжена с такими эмоциями, как *влечение, восхищение, застенчивость, удовольствие, признание, веселье, радость, страсть.*

3) Отрицательная оценочность проявляется во взаимосвязи с такими эмоциями, как *боль, скорбь, обман, боязнь, горе, несчастье, стыдливость, причина, ревнивость, предательство, страдание, измена, расплата, уныние, грусть, расставание.*

Проводя сравнение между междометиями, используемых в русских и английских песнях, нами выявлены общие и специфические характеристики их употребления.

Общими свойствами являются: наличие междометий, имеющих референтную связь с эмоцией *любовь* и выполняющих эмотивную функцию; использование первичных эмоциональных междометий для выражения эмоции *любовь*; реализация синтаксической функции выступать в качестве самостоятельного нечленимого высказывания; наличие определенных денотативных связей; контекстное уточнение значений; употребление междометий и их повторов в песенных припевах для создания эмоциональности и мелодичности песенного текста.

К отличительным чертам употребления междометий и междометийных высказываний, служащих для выражения эмоции *любовь* в русском и английском песенном дискурсе, можно отнести: наличие в русском песенном дискурсе императивных междометий, выступающих сигналами чувств и эмоций; отсутствие междометий-отрицаний в английском песенном дискурсе; главная особенность русского песенного дискурса - образование новых форм междометий путем добавления новых междометий и частиц; наличие в немецком песенном дискурсе окказионально сопологающихся междометий.

Междометия можно считать специализированными эмотивами, возможно - основным средством выражения эмоций, так как именно выражение эмоций является их основной функциональной нагрузкой.

Одним из важных маркеров социальной ситуации, статуса, роли, отношений участников коммуникации является обращение.

Обращение — грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь [ЛЭС 2002].

В песенных дискурсах определенный интерес представляет использование форм обращений.

«Направленность адресату — один из важнейших признаков человеческой речи, отличающий ее от функционирования значительного числа биосемиотических (функциональных) систем» [Гольдин 1987: 34].

В функции обращения обычно употребляется *одушевленное имя* существительное. Обращение может стоять в начале, середине и конце предложения.

Обращение относится к элементам речевого этикета и является одним из наиболее важных средств установления речевого контакта. Целью обращения является маркировка социальных отношений в пределах определенного коммуникативного акта.

Социальная организация речевого акта предопределяет социальный характер обращения, обуславливающий речевое поведение партнеров по коммуникации. Система форм обращения связана с социальной организацией речевого акта. Коммуникативный акт, эксплицирующий эмоцию *любовь*, зависит от экстралингвистических факторов, имеющих социальную природу и обуславливающих выбор формы обращения. В качестве таких факторов традиционно в лингвистике рассматривают «возраст (дети, молодежь, взрослые), солидарность или дистанцию (посторонний, знакомый, коллега, друг, родственник), статус/ранг (симметричный/асимметричный), род (женский/мужской), ситуацию или тип контакта (фамильярный, нейтрально-официальный, профессиональный), уровень общения (литературный, разговорный, диалектный), форму коммуникации (устная/письменная)»

[Филиппова 2002: 81-82].

Рассмотрим перечисленные характеристики применительно к русскому и английскому песенным дискурсам.

В рассмотренных нами текстах песен были обнаружены следующие лексические категории, используемые в звательной форме (вокативе): **антропонимы** - имена собственные, идентифицирующие человека: «Я за то люблю Ивана, что головушка кудрява, Эх, и что головушка кудрява, а бородушка кучерява», «Голубчик мой, Ваня, возьми ж меня с собой.- Не возьму»; «Ах, ты, Дуня, черноброва!// Ты зачем любишь иного?», «Ох, тяжёлый кузовок, кузовок, Села Маша на пенёк, на пенёк», «Ах, Настасья, ах, Настасья, Отворяй-ка ворота». Наибольшей частотностью употребления в русских песнях имеет мужское имя «Иван» и его различные формы «Ваня», «Ванюша»; женское имя «Мария», «Анастасия» и «Дуня». В английском дискурсе наиболее часто употребляются имена собственные «John», «Anna», «Eliza», «Betty»;

– **диминутивы** – уменьшительная форма слова, которое содержит субъективно-оценочное значение малого объема, например, «Эх, и уж как Ванюшка по горенке похаживает», «Тише, миленький, иди, да сапожками не стучи, Сапожками не стучи, мово тятю не буди», «Пошла Маша во лесок, во лесок. Взяла Маша кузовок, кузовок»;

– **топонимы** - географические названия, которые выполняют функцию уточнения местонахождения адресата, например, «Деревня моя, деревянная, дальняя, Смотрю на тебя я, прикрывшись рукой», «Ой Самара - городок, беспокойная я, Беспокойная я, успокой ты меня», «Добрый вечер, славный город, Шумный город трудовой»;

– **орнитонимы**, номинанты представителей животного мира, например, «Где ты, заинька, гуляла, Где ж ты, серая, гуляла?»;

– **окказионализмы** – авторские слова, обладающие определенной стилистической спецификой, например, *разбессовестный, раскрасавчик*,

разлапушка, раздушечка;

– **лексемы, вербализующие гендерные признаки**, в числе которых в русском языке обращения *парень, парень-молодчик, молодец, девонька, девица*: «Ах, о чем же ты,/ Добрый молодец,/ Призадумался,/ Пригорюнился?», «Ох ты молодец — парень молодой!/ Эх (ы) по... очему же не выходишь/ Ты на улицу гулять со мной», «Ты гуляй, гуляй, добрый молодец,/ Не один гуляй, с красной девицей», «Девонька милая,/ Девонька славная,/ Девонька радость моя», «За ней парень молодой,/ Кричит: Девица, постой,/ Красавица, подожди». В английском песенном дискурсе обращения, которые можно отнести к данной группе, также многочисленны, как и в русском: *baby* 'ребенок', *Maid* (устар.) 'дева', *girl* 'девочка, девушка', *girlfriend* (разг.) '(любимая) девушка', *virgin* (высок.) 'дева, девственница', *fiancee* 'невеста', (разг.) любимая, любовница', *guy* 'юноша, парень', *boy* 'парень'.

– **номинанты абстрактных понятий**, например, лексемы *душа, жизнь* в русском песенном дискурсе: «Ах ты, душечка, красна девица, Мы пойдем с тобой, разгуляемся»;

– **номинанты эмоций**, используемых в качестве обращения, например, лексемы *любовь, радость, Lover*.

Несмотря на множество схожих черт в классификации форм обращений в сопоставляемых песенных дискурсах наблюдается значительное количество отличительных или индивидуальных признаков:

– большое отличие наблюдается в качественных обращениях: в русском и английском песенном дискурсах употребляются окказиональные формы.

– в русском песенном дискурсе некоторые обращения, актуализирующие эмоцию *любовь*, являются *орнитонимами*.

– в английском и русском песенных дискурсах зафиксировано употребление вокативов, *обозначающих ценности*.

В русском и английском песенном дискурсах наличие диминутивов

оказывает влияние на стилистическое оформление, придавая текстам разговорный или просторечный стиль.

Кроме того, в русском и английском песенном дискурсе в функции обращений встречается значительный процент устаревшей или поэтической лексики.

Выводы по Главе 2

Основной характеристикой концепта *любовь/Love* является отражение эмоционального мира человека, испытывающего подобную эмоцию. Она может репрезентироваться в невербальном виде (мимика, жесты), но в большей мере объективируется в вербальной форме с помощью языковых средств. Отражаемая в концепте *любовь/Love* эмоция в английской и русской лингвокультурах имеет идентичный характер, представляя собой универсальное психическое явление. Однако ее осмысление и вербализация имеют порой специфичные черты.

С лингвокультурологических позиций данный концепт и его вербальная репрезентация регулируются культурными традициями разных этносов.

С точки зрения типологии концептов концепт *любовь* является эмоциональным концептом, под которым понимается комплексная структурно-смысловая сущность, которая кроме понятийной характеристики имеет образные, оценочные и культурно-оценочные компоненты.

Культурно-оценочный компонент помимо языковых средств маркируют также экстралингвистические факторы, включающие народные обычаи, культурные традиции, менталитет, модели поведения, сформированные в силу исторического развития отдельных этносов.

В русском национальном сознании концепт *любовь* репрезентируется следующими концептуальными признаками, отражающими понятийное содержание концепта: положительное эмоциональное состояние; самоотверженная страсть; высокая степень привязанности; направленность на человека другого пола; симпатия к другому человеку; внутреннее влечение, склонность, тяготение к чему-либо, пристрастие к чему-либо; половое влечение; взаимоотношения двух людей, обоюдно связанных данным чувством.

Англоязычный концепт *Love* объективируется следующими понятийными признаками: сильное чувство симпатии, благорасположения к

члену семьи или уважаемому человеку; 2) половое влечение; 3) высокая степень заинтересованности; 4) человек, к которому испытывают любовь; 5) деятельность, приносящая удовольствие; 6) объятия.

Языковые средства, вербализующие исследуемые концепты, делятся на средства первичной и вторичной номинации. Первичную номинацию выполняют непосредственные номинанты любви, их синонимы, стилистические выразительные средства. Вторичную номинацию представляют языковые средства, в которых присутствует перенос значения с одних объектов окружающего мира на другие, т.е. метафоры, символы, устойчивые выражения, фразеологизмы, междометия.

Проведенный количественный анализ песенных текстов показывает, что основным регистром в русскоязычном любовном песенном дискурсе является волюнтативный признак, далее в порядке убывания следует репродуктивный, реактивный, генеритивный и информативный регистры. В английском песенном дискурсе *Love* распределение регистров выглядит следующим образом: репродуктивный, волюнтативный, информативный, реактивный, генеритивный.

Любовь способна сопровождаться негативными и позитивными чувствами. Негативные чувства - сострадание, боязнь, мучение, страдание, горе, стыдливость, зависть, грех, уныние, грусть, расставание, положительные чувства - влечение, стеснение, наслаждение, признание, восторг. В сравниваемых песенных дискурсах высокую частотность имеет взаимосвязь *любви* с чувствами боль, скорбь, предательство, расставание, счастье, страсть. Специфичной для русского языкового сознания проявляется актуализирование взаимосвязи *любви* с *жалостью*. Для английского языкового сознания - актуализирование взаимосвязи *любви* с *влечением*, что не прослеживается в русском песенном дискурсе.

Как русский, так и английский песенный дискурс представлен

лексемами-синонимами, которые не представлены в словарях синонимов, но были выявлены в данном качестве в песенном дискурсе.

Если принять за основу критерий «интенсивность переживания» любви на базе лексико-семантического анализа, то является допустимым отметить три следующих контекстуальных эквивалента: *страсть*, *обожание*, *слабость* (разг.), *охота* (нар.-поэт.), *охотушка* (нар.-поэт.), *зазноба* (нар.-поэт.) — *Passion*, *Adoration*, *Weakness*, *Sweetheart*. Такой семантический признак как «сексуальное влечение» считается значимым для английского песенного дискурса. Однако в русском песенном дискурсе такой критерий не устанавливается, но в нем актуализируется критерий «страдание», «боль». В семантике слов *влюбленность* и *Blessing* реализуется критерий «кратковременность». По признаку «удовольствие» в своих значениях совпадают *радость*, *восторг* и *joy*, *elation*, *pleasure*. В лексемах *привязанность*, *consideration* зафиксирована сема «уважение».

Значительное сходство русских и английских номинантов концепта *любовь*/ *Love* обнаруживается в следующих лексемах *страсть* и *passion* по первостепенным признакам «любовь и физическое влечение, вожделение». Встречается так же равнозначность по основным параметрам любви — *счастье*, *удовольствие*.

Количественный анализ концептных номинантов *любовь* (рус.) (32.3%) и *Love* (англ.) (25.6%), и соответствующих глагольных производных *любить* (36.6%), *to love* (35.4%) указывает на то, что в песенном дискурсе глагольные лексемы наблюдаются в большей степени, чем субстантивированные имена концепта *любовь*. Сравнение между исследуемыми языками позволило установить, что глагольная лексема *любить* наблюдается в значительной мере в английском языке (47.3%), чем в русском (33.3%). В процессе изучения частеречных параметров в русском песенном дискурсе было выявлено, что номинат *любовь* уступает в количественном соотношении номинанту *любить*.

В результате исследования стало возможным удостовериться в том, что

междометия можно признать специальными эмотивами, которые являются фактически одним из главных способов выражения эмоций, поскольку собственно выражение эмоций считается их первостепенной функциональной нагрузкой. В числе междометий сопоставляемых языков, обладающих референтной связью с эмоцией *любовь*, возможно выделить группу единиц, содержащих в себе формальное сходство, т.е. междометия-омофоны: *Ах!* (рус.), *Ah!* (англ.), *O!* (рус., англ.), *Ай!* (рус.), *Ouch!* (англ.).

В песенном дискурсе сравниваемых языков заметнее всего показаны первичные эмоциональные междометия, например, в русском песенном дискурсе *O!*, *Ох!*, *Увы!*; в английском - *O!*, *Oh!*, *Alas!*. Большие возможности для смысловых дифференциаций раскрывает изменение голосового вида междометий: интонационное варьирование гласных, удвоение и утроение слогов и междометий, а кроме того междометий- производных от знаменательных частей речи: *Охы!*, *Эко!*, *Экой!*, *Ахму!*, *Ohhh!*, *So hot!*. Указанные примеры являются по своей сути номинативными единицами языка, которые проявляются в речи параллельно с моментом переживания эмоции в качестве показателей любви. Иные междометия могут возникать вследствие дифференциации эмфатических вариантов междометий: редупликации (*о-ой да* (рус.)), присоединения новых междометий (*А-ой!*, *Э-эх!*, *Э-ах!*) и присоединения случайно сопологающихся междометий. В случае если данное сочетание становится устойчивым, то возможно утверждать, что образовалось новое междометие *Oh, God!* «Ах, Господи!», *Lord!* «Господи!», и др.. Функциональная деривация, под которой подразумевается формирование новой языковой единицы, при преобразовании ее функциональных, а значит и грамматических и лексических характеристик, включает в себя синхронный характер и предназначена для более яркого выражения эмоций. Припевы и повторы, используемые в песнях в сою очередь также возможно причислить к разряду междометий. Указанные междометия считаются неотъемлемым атрибутом песенного дискурса с целью формирования его мелодичности и выражения

эмоций.

Конкретный облик эмоции создается в языковом сознании на базе множественных символическо - фигуральных формулировок и идиоматичных единиц, объективирующих эмоциональный концепт *любовь/ Love* в русском и английском песенных дискурсах.

Применение концептуальных метафор в вербальной коммуникации дает возможность отметить когнитивные модификации, находящиеся в сознании носителей сравниваемых языков, что, в свою очередь, предоставляет вспомогательные данные о том, как эмоциональный концепт *любовь* принимается и осмысливается людьми, относящимися к различным лингвокультурам. Вследствие рассмотрения русского и английского песенных дискурсов выделились категории лексем, реализующих тот или иной символическо-метафорический образ при актуализации эмоции *любовь*.

Знаки *мечта, сказочное виденье, восхищение, рай, звезда, луна, цветок, царица, роза, колющая заноза, жара, болезнь, чума, пожар, напиток, вино, снадобье и др.* предвосхищают эмоциональный концепт *любовь* в сравниваемых песенных дискурсах. Метафоры, как особую синтаксическую форму выражения нередко в песенном дискурсе сопоставляют с грамматической связкой «как», «будто», «словно», «точно» (в русском), «though», «as» (в английском).

Как видно из практического материала язык включает в себя неограниченные средства метафоризации, символизации *любви*. В основном символическо-метафорические модели *любви* в русском и английском песенных дискурсах фактически идентичны. В особенности существенные характеристики *любви* выражаются посредством осознания ее как *природного явления и/или стихии, астронимов*. В структуре метафор, актуализирующих эмоциональный концепт *любовь*, включены *зоонимы, орнитонимы, фитонимы, колоронимы*. В сравниваемых русском и английском песенных дискурсах прослеживается единый критерий *покраснение лица*. В русском песенном дискурсе несчастная любовь воспринимается в *черном цвете* и

проявляется весьма внезапно. В отдельных символично-метафорических проявлениях эмоция *любовь* порождает «противоположные» оценки (позитивную и негативную, теплое и прохладное чувство). Символично-метафорическое осознание эмоции *любовь* обладает кроме того и временным качеством. Она способна проявлять себя равно как продолжительной, так и кратковременной. Помимо этого, *любовь персонифицируется*. Для английского и русского языкового сознания свойственно понимание любви как определенной субстанции, обладающей *вкусом*.

Под фразеологизмами рассматриваются устойчивые словосочетания разных структурных типов с индивидуальной совмещенностью компонентов, значимость которых появляется вследствие смыслового преобразования компонентного состава. Русские и английские устойчивые словосочетания лексико-семантического поля *любовь* предполагают под собой категорию фразеологизмов, имеющих характерные отличительные черты, и разделяются на идиоматические соединения, целостности и сочетаемости. Идиоматические единства в большей степени присутствуют в сравниваемых песенных дискурсах. Значительную категорию составляют полные и неполные структурно-семантические эквиваленты, при этом многие из них имеют фразеологические единицы, обладающие в своем составе соматический компонент *сердце/ Heart*, поскольку собственно сердце считается вместилищем и хранилищем любви абсолютно во всех языках.

Наравне со схожими особенностями в систематизации форм обращений в сравниваемых песенных дискурсах, прослеживается существенное число характерных свойств. В русском и английском песенном дискурсах в качественных обращениях встречается применение случайных конфигураций, обращений, означающих *абстрактные понятия*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном исследовании предложена характеристика песенного дискурса с позиций когнитивного подхода и предпринята попытка выявления способов языковой репрезентации концепта *любовь* с помощью языковых единиц, содержащих культурологическую маркированность в русском и английском песенном дискурсах. Поставленная в данном исследовании задача выявления языковых единиц, относящихся к различным системным уровням языка и участвующих в актуализации концепта *любовь* в песенном дискурсе, потребовала обращения к различному кругу проблем, к числу которых относятся дифференциация понятий «дискурс», «песенный дискурс», «концепт», «эмоциональный концепт», методологии компонентно-дефиниционного, сравнительного лингвокультурологического анализа.

Прежде всего, мы исходили из лингвокогнитивного понимания концепта как «кванта структурированного знания» и лингвокультурологического понимания культурных концептов как «многомерных смысловых образований в коллективном сознании, опредмеченных в языковой форме». Дискурс мы рассматривали как последовательность предложений в составе связного текста в совокупности с экстралингвистическими факторами.

Для изучения языковой экспликации лингвокультурного концепта *любовь* был выбран конкретный феномен – песенный дискурс, под которым понимается целостная совокупность песенных текстов. Этот выбор обусловливается многоаспектным характером песенного дискурса, способного наилучшим образом отобразить эмоциональную составляющую концепта *любовь*.

Отправной точкой нашего исследования послужило свойственное современной эмотиологии понимание эмоции как формы оценочного отражения действительности и как особой психической надстройки, дополняющей познавательный образ. В нашей работе мы учитывали

сложность структурной организации эмоционального концепта *любовь* и возможности выявления его составляющих с помощью языковых средств вербализации. Поэтому основное внимание уделялось способам языковой объективации эмоции «любовь» в песенном дискурсе русского и английского языков.

Проведенный компонентно-дефиниционный анализ лексических единиц, участвующих в вербализации русского и англоязычного песенного дискурса, показал, что эмоция «любовь» относится к числу универсалий человеческого общества, однако способы ее осмысления и выражения в отдельных лингвокультурных социумах имеют отличительные признаки.

Выполнив сравнительный анализ концептуальных признаков, отражающих содержательные и образные компоненты концепта *любовь/ Love* в англоязычных и русских песенных дискурсах, мы пришли к выводу, что смысловое понимание исследуемых единиц характеризуется как наличием общих признаков, так и различных для представителей русской и английской лингвокультур.

В англоязычной лингвокультуре преобладает понимание любви как семейной ценности, прототипическим объектом любви является человек, к которому испытывают любовь. Общими содержательными признаками для русской и англоязычной культуры является признак 'влечение', 'расположение', 'желание. Специфичным для русской культуры является наличие в структуре концепта *любовь* признаков 'самоотверженность', 'привычка', 'предрасположенность'.

В ходе исследования практического песенного материала было выявлено, что структурные компоненты эмоционального концепта *любовь* содержат в себе признаки, отражающие различные эмоции, дополняющие и уточняющие эмоциональные переживания человека, связанные с чувством любви. В русском и англоязычном песенном дискурсах отдельные концептуальные структуры могут иметь как позитивную, так и негативную оценочность. Выявленные оценочные признаки трактуются нами как

культурные маркеры, отражающие специфику сравниваемых лингвокультур.

Кроме того, анализ языковых средств объективации концепта *любовь* в песенном дискурсе в русской и англоязычной культурах позволил сделать вывод, что в числе языковых единиц, номинирующих концепт *любовь*, встречаются как средства первичной номинации, в числе которых лексемы «любовь», «Love», синонимичные лексемы, стилистические выразительные средства, а так же средства вторичной номинации, представленные метафорами, символами, устойчивыми выражениями, фразеологизмами. Наивысшую степень эмоциональности и экспрессии отражают междометия. Междометия, как средство выражения эмоций, эффективно используются в ходе концептуализации концепта *любовь*, демонстрируя формальные сходства в обоих языках. Вокативную функцию, характерную для песенного дискурса, отражают обращения, обнаруживающие формальное соответствие в английском и русском вариантах.

В целом настоящее диссертационное исследование вносит определенный вклад в изучение проблем концептуализации окружающего мира, механизмов вербализации культурно-маркированных смыслов в эмоциональной сфере, в дальнейшее развитие теоретических положений когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, эмотиологии.

Предложенный перечень выявленных лексических единиц, эксплицирующих эмоцию любовь в русском и английском языках, не является полным, он может быть в дальнейшем дополнен с учётом расширения и пополнения песенного дискурса.

В настоящей работе рассмотрены семантические и концептуальные характеристики концепта *любовь* в песенном дискурсе, представленного в языках, относящихся к различным языковым группам. Основная перспектива данного исследования видится в рассмотрении особенностей концепта *любовь* в других типах дискурса и других языковых культурах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11000 синоним, рядов / З. Е. Александрова. - М.: «Русский язык», 1989. - 495 с.
2. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. - М.: Просвещение, 1963. - 321 с.
3. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. - М.: Типография МГУ им. М.В. Ломоносова, 1993. - № 3. - С. 27-35.
4. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Серия. Язык. Семиотика. Культура / Ю. Д. Апресян. - М.: Восточная литература; Школа «Языки русской культуры», 1995. — 472 с.
5. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. - Л.: Просвещение, 1979. - 259 с.
6. Аракин, В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования / В. Д. Аракин. - М.: Высш. шк., 1989. — 158 с.
7. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: [сб. статей] / науч. ред. Г. Е. Бухарин. - СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. - 444 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. - М., 1998. - С. 136-137.
9. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 136-137.
10. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. - Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1989. — 184 с.
11. Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста / отв. ред. Т. Г. Хазагеров. - Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1993. - 180 с.

с.

12. Баранов, А. Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Т. 1. / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. - М.: Помовский и партнеры, 1996.-656 с.

13. Бегаева, Е. В. Современный русский язык. Практическое пособие / Е. В. Бегаева [и др.]. - М.: Научная книга, 2005. — 77 с.

14. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров - 3-е изд. - М.: Советская энциклопедия, 1976. - Т. 23. - С. 385.

15. Большой толковый словарь английского языка. Для изучающих английский язык. -М.: Издательство Март, 1998. - 1248 с.

16. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. -М., 1959.-624с.

17. Валгина, Н. С. Современный русский язык / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина; под ред. Н. С. Валгиной. - М.: Логос, 2001. - 960 с.

18. Вансяцкая, Е. А. Роль невербальных и вербальных компонентов коммуникации в текстах, отражающих эмоциональные реакции человека, и их соотношение (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. А. Васняцкая. — Иваново, 1999. - 22 с.

19. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 780 с.

20. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 272 с.

21. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. - М.: Русские словари, 1997. — 416 с.

22. Вилюнас, В. К. Основные проблемы психологической теории эмоций / В. К. Вилюнас // Психология эмоций. Тексты. - М.: Изд-во МГУ, 1984. —с. 3-28.

23. Вилюнас, В. К. Психология эмоций. Тексты / под ред. В. К.

Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. — М.: Изд-во МГУ, 1984. - 288 с.

24. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. -М., 1977.-С. 140-161.

25. Воркачев, С. Г. Дискурсивная вариативность лингвоконцепта (2): любовь - жалость / С. Г. Воркачев // Изв. Рос. акад. наук. Серия литературы и языка. - М., 2006. - Т.65, № 2. - С.33-40.

26. Гальперин, И. Г. Текст как объект лингвистического исследования / И. Г. Гальперин. -М.: Наука, 1981. — 140 с.

27. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: [монография] / В. С. Григорьева. - Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. — 288 с.

28. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. / В. Даль. -М.: Русский язык, 1978 - 1980 (б). - 683 с.

29. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. / В. Даль. - М.: Русский язык, 1978 - 1978. - 699 с.

30. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. / В. Даль. — М.: Русский язык, 1978 - 1979. - 779 с.

31. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3 / В. Даль. — М.: Русский язык, 1978 — 1980 (а). — 555 с.

32. Демьянков, В. 3. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В. 3. Демьянков // Методы анализа текста: тетради новых терминов, 39. - М.: ВЦП, 1982. - Вып. 2. — 90 с.

33. Демьянков, В. 3. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. 3. Демьянков // IV междунар. науч. конф. «Язык, культура, общество». Москва, 27-30 сентября 2007 г.: пленарные докл. - М.: Моек. ин-т иностр. языков; Рос. акад. лингвист. наук; Ин-т языкознания РАН; науч. журн. «Вопросы филологии», 2007. - С.86-95.

34. Демьянков В.3. Политический дискурс как предмет

политологической филологии / Демьянков В.З. // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.И. Герасимов, М.В. Ильин. – М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 32-34.

35. Захаров, В. 100 русских народных песен. Из репертуара хора им. Пятницкого / В. Захаров. - М.: Гос. муз. изд-во, 1958. - 331 с.

36. Зырянов, И. В. Лирические народные песни / И. В. Зырянов. — Пермь, 1962.-264 с.

37. Изард, К. Эмоции человека / К. Изард. - М., 1980. - 444 с.

38. Калугина, Н. Русские народные песни. Для детского или женского хора без сопровождения / сост. Н. Калугина, В. Попов. — М.: Музыка. - 1971.-71 с.

39. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. - М.: Наука, 1987.-262 с.

40. Кубрякова, Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / отв. ред. Е. С. Кубрякова. - М., 1996. - С. 90-93.

41. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: [учеб. для ин-тов и фак. иностр. языка] / А. В. Кунин. - 2-е изд., перераб. - М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996 — 381 с.

42. Кучукова, Л. П. Грамматическая характеристика народно-песенного лирического дискурса (на материале внеобрядовых голосовых песен): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. П. Кучукова. - Тверь, 2004. - 34 с.

43. Левицкий, А. Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка / А. Э. Левицкий. - Киев, 1998. - 362 с.

44. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Э. Леонтьев // Психология эмоций. Тексты / А. Н. Леонтьев. - М.: Изд-во Моек, ун-та, 1993.-С. 171-180.

45. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. - Л.: Наука, 1972. - 272 с

46. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. -М.: Тезаурус, 1997. - 158 с.
47. Могутова, Н. В. Основные проблемы использования эмотивных языковых единиц для придания высказыванию естественности и эмоциональности (на примере английских междометий) / Н. В. Могутова // Язык, коммуникация и социальная среда. - Воронеж: ВГТУ, 2002. - Вып.2.-С. 88-93.
48. Мягкова, Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова / Е. Ю. Мягкова. - Курск: Изд-во Курск, госпедуниверситета, 2000. — 110 с.
49. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. - М., 1978. - Вып. VIII. - С. 467 - 472.
50. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М.: «Сов. Энциклопедия», 1973. - 846 с.
51. Ожегов, С. И. Словарь русского языка/ С. И. Ожегов. - М.: ООО «Издательский дом «Оникс 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2004. - 896 с.
52. Ожегов, С. И. Словарь русского языка/ С. И. Ожегов. - М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир» и Образование», 2007. - 1328 с.
53. Плотницкий, Ю. Е. Лингвистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Е. Плотницкий. - Самара, 2005. - 21 с.
54. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. - Воронеж, 2001. – 191 с.
55. Размахнина, Н. В. Опыт реконструкции дискурса на основе иллюстративных авторских примеров в английских фразеографических

источниках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. В. Размахнина. - Иркутск, 2003. - 180 с.

56. Реформатский, А. А. О сопоставительном методе / А. А. Реформатский // Лингвистика и поэтика. - М., 1987. - С. 40-52.

57. Рубинштейн, С. Л. Эмоции / С. Л. Рубинштейн // Психология эмоций. Тексты / под. ред. В. К. Вилюнаса. - М.: Изд-во МГУ, 1984. - С. 152-162.

58. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов [и др.]. - М.: ИРЯ РАН, 1996-1998.-678 с.

59. Словарь синонимов русского языка/ под. ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Издательство «Астрель», АСТ. - 2001. - 680 с.

60. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2002. - 960 с.

61. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза; пер. с лат. Н. А. Иванцова. - СПб.: Аста-пресс, 1993. — 248 с.

62. Филиппова, Е. В. Обращения и их социолингвистическая интерпретация в современном английском языке / Е. В. Филиппова // Материалы между нар. науч.-практ. конф. «VI Царскосельские чтения» (23 - 24 апреля 2002 г.). - СПб.: Изд-во ЛГООУ, 2002. - С. 81-82.

63. Формановская, Н. И. Размышления о единицах общения / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. - М., 2000. — № 1. — С. 56 — 63.

64. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм; под ред. Д. А. Леонтьева. - СПб.: Азбука, 2001. - 224 с.

65. Чернов, Л. И. Народные русские песни и романсы / Л. И. Чернов. - N. Y.: New York 17, N. Y., 1959. - 415 с.

66. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. - СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов, 2001. — С. 11 -22.

67. Шаховский В. И. Эмоциональная эмотивная компетенция в

межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты?) / В. И. Шаховский // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: сб. науч. трудов / под ред. Н. А. Красавского - Волгоград: «Колледж», 2002. — С. 3-10.

68. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. - 192 с.

69. Шаховский, В. И. К теоретической и прикладной лингвистике эмоций. - Краснодар, 1995. — №7. — С.49-52.

70. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка (на материале английского языка): дис. ...докт. филол. наук / В. И. Шаховский. - М., 1988. — 402 с.

71. Шаховский, В. И. Эмоции и их концептуализация в различных лингвокультурных контекстах / В. И. Шаховский // Русистика. - Киев, 2001.- Вып. 1.-С. 13-19.

72. Шаховский, В. И. Эмоциональные концепты: параллели и контрасты / В. И. Шаховский // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. трудов / ВГПУ, ПМПУ.- Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996. - С. 80-96.

73. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций : Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

74. Якобсон, Р. О. О лингвистических аспектах перевода / Р. О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. ст.: пер. с англ., нем., фр., вступ. статья и общая ред. перев. В. Н. Комиссарова. - М.: Междунар. отношения, 1978. - С. 16-24.

75. Якобсон, Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р. О. Якобсон // Семиотика. - М.: Радуга, 1983. - С. 462-482.

76. English Folk Songs and dance 1855-1926/ Mary Frank Neal, 1944.

77. English Folk Songs from the Southern Appalachians / Olive Dame Campbell, 1917.

78. Folk-songs and part-songs/ [Frank Heino Damrosch, Frank Damrosch/](#)
G. Schirmer/ 1959.
79. James, W. The principles of psychology / W. James. - New York:
Henry Holt and the Company, 1890. - 687 p.
80. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. -
Chicago: University of Chicago Press, 1990. - 231 p.
81. One Hundred English Folk Songs / Oliver Ditson Company, Boston,
et al., 1916.
82. Plutchik, R. The emotions: Facts, theories and a new model / R.
Plutchik. - N. Y.: Random House, 1962. — 204 p.
83. Rubin, Z. Measurement of romantic love / Z. Rubin // Journal of
personality and social psychology. — 1970. — V. 16. - p. 265-273.
84. Wehnreich, U. Problems in the Analysis of Idioms / U. Wehnreich //
The Structure and Substance of Language- Pennsylvania: University of
Pennsylvania, 1969. - P. 208-264.
85. URL:[http:// www.ingeb.org/Lieder/vonmirsc.html](http://www.ingeb.org/Lieder/vonmirsc.html)
86. URL:<http://www.klassikpoez.boom.ru/pesni.htm>
87. URL:<http://www.pesni.retroportal.ru>
88. URL:<http://www.pojelanie.ru>
89. URL:<http://www.romance.ru>
90. URL:<http://www.russianplanet.ru>
91. URL:[http:// www.songkino.ru](http://www.songkino.ru)
92. URL:<http://www.volksliederarchiv.de/liebeslieder-10.html>
93. URL:<http://www.waplib.ru/lib.ru>